



18+

роман грачев
диана гайнулина

ТОМКА

вне зоны доступа

Диана Гайнулина
Роман Грачев
Томка вне зоны доступа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68255120

ISBN 9785005903600

Аннотация

Новая книга остросюжетной серии «Томка, дочь детектива». Частный сыщик Антон Данилов и его дочь Тамара по-прежнему живут вдвоем. Томке уже 14, у нее новые увлечения, новые друзья и все типичные проблемы взросления. Одна из них очень беспокоит папу – у девочки появились тайны. Что творится в ее душе и чем она так огорчена? Антон считает, что дочь тяжело переживает трагическую гибель одноклассницы, дурнушки и изгоя Гели Варгановой. Но так ли всё просто? Вопросов больше, чем ответов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие Романа Грачева	5
Предисловие Дианы Гайнулиной	15
ТОМКА	17
Пролог I. «У них не умеют готовить долма»	17
Пролог II. Гелендваген	36
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Полёт	39
1. Как тут не нажраться?	39
2. Неопубликованное	49
3. #трудоыебудни	54
4. Томка. Взгляд изнутри	66
5. Шухер	70
6. Отец-одиночка – суперзвезда	89
7. Лестница в небо	99
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Томка вне зоны доступа

Роман Грачев
Диана Гайнулина

Фото обложки Диана Гайнулина

© Роман Грачев, 2022

© Диана Гайнулина, 2022

ISBN 978-5-0059-0360-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие Романа Грачева

Дорогие читатели, перед вами пятая книга остросюжетной серии «ТОМКА» (если считать все книги «вселенной», то восьмая, но пусть вас не смущает порядковый номер – это вполне самостоятельное произведение, которое может существовать отдельно от других). Начало серии было положено в 2011 году. Главные герои – «веселая» семейка Даниловых: папа-одиночка Антон, бывший опер уголовного розыска, а ныне владелец частного детективного агентства, и его шестилетняя дочь Тамара. Жена и мама от них ушла, но ребята справляются. Антон трудится на ниве частного сыска и охраны, Томка вкушает все прелести детства. Девочка растет очень активной, любознательной, открытой перед всем миром и людьми. Она постоянно крутится у папы под ногами и, как следствие, вместе с ним ввязывается в опасные приключения. Антон называет ее «резиновым утенком» – за непотопляемость и упругость характера. Они очень близки и многому друг у друга учатся. Они счастливы вместе.

(Тут стоит отметить один важный момент. Несмотря на легкомысленное название, серия далеко не детская. Да, главная героиня может умилять своей непосредственностью, но истории полны взрослой жести. Будьте готовы).

Первый роман, «Томка, дочь детектива», был представлен на рассмотрение одного из крупных издательских холдин-

гов. Его прочли и приняли всего за сутки, и по сравнению с тем, через что мне пришлось пройти с предыдущими рукописями, это был гиперпрыжок «Тысячелетнего Сокола». Передо мной открывались радужные перспективы, в голове крутились идеи еще для нескольких романов, я уже готовился навсегда покончить с диетами...

Увы, оркестр играл недолго. Через неделю (еще один гиперпрыжок, но уже в обратную сторону) по непонятным причинам проект завернули. Официальное объяснение звучало так: «Мы не можем подобрать для вас серию, а внесерийные книги идут плохо». Я счел это пустой отговоркой. Ну, право слово, у вас на руках потенциальный хит, а вы закидываете его на самую дальнюю полку лишь потому, что не знаете, на каком блюде его подать? Как вы вообще разбогатели?

В общем, я обиделся и залег на дно. А что оставалось делать? Унижаться я не привык.

Через какое-то время произошло странное событие, утвердившее меня в мысли, что дело нечисто. На телевидении вышел детективный мини-сериал, почти в точности воспроизводящий фабулу «Томки» и некоторые элементы ее сюжета. На явное сходство мне указали друзья. Я посмотрел картину в интернете и впал в оцепенение. В сериале тоже был одинокий отец, только юрист, он тоже открыл свое детективное агентство, и у него тоже была шестилетняя (!) дочь, которая ему иногда помогала. Конечно, это можно было назвать совпадением – идеи сейчас витают в воздухе, и ловят их все

кому не лень, зачастую одновременно, – но авторы фильма действительно воспроизвели один в один некоторые мизансцены и сюжетные повороты моей книги.

Я решил, что меня обокрали, причем сделали это с особым цинизмом: сначала сообщили, что проект бесперспективен, а потом по-тихому слили тему налево. Кто-то из моих сочувствующих приятелей подсыпал соли в рану: «Так бывает, старик, не ты первый. Там ведь тотальный творческий кризис – что в телеке, что в коммерческой беллетристике. Раскручивать новые имена долго и дорого, а тырить более-менее свежие сюжеты – милое дело. Вот тебя и поимели. Приглашай юристов».

И я пригласил. Эксперты ознакомились с материалами, зафиксировали наличие совпадений и даже составили таблицу. Главный редактор челябинского холдинга «Комсомольская правда», в котором я тогда трудился в должности радиоведущего, пообещал информационную поддержку. Спортивная злость моя усиливалась с каждым днем...

...А потом я внезапно сник. Мне не хотелось продолжать. И тому были веские причины.

Во-первых, юристы растолковали мне, что по закону об авторском праве воспроизведение темы и фабулы не является прямым плагиатом. Если же подтягивать конкретные скопированные фрагменты, то на доказательство заимствования уйдет много времени и денег, и это вряд ли приведет к ошутимым результатам. Столичные компании, производя-

щие интеллектуальный фаст-фуд, съедят безвестного парня из Челябинска за милую душу.

Во-вторых, я решил, что этот кейс не только не пойдет мне на пользу, но и может навредить. Меня могли заподозрить в дешевом хайпе, как того американского чудака Брайанта Мура, который обвинил Джеймса Кэмерона в краже сюжета «Аватара» и потребовал в качестве компенсации 2,5 миллиарда долларов. Никто бы не воспринял меня всерьез.

Эта забавная история давно канула в Лету. Я думаю порой, что, возможно, пытался тогда поймать черную кошку в темной комнате. Сериал не был продлен на второй сезон, что меня вполне устраивало, а я продолжал работать. Я знал, что когда-нибудь и на моей улице перевернется грузовик с чупа-чупсами.

Так и вышло. Наступила эра электронных книг. Вместе с ней подросли и технологические возможности издаваться самостоятельно, без оглядки на боссов крупных издательств. В 2013 году «Томка, дочь детектива» ушла в Сеть...

О, это было замечательное время. «Чупа-чупсы» пригоршнями катились по моей мостовой. В сокращенном варианте книгу перепечатала газета «Комсомольская правда» – публиковала ее из номера в номер, как в старые-добрые времена, в специальных вставках, которые можно было вырезать и складывать в миниатюрный журнальчик (пару экземпляров я храню до сих пор). Последовали интервью, эфиры

на местном радио и телевидении, встречи с читателями. Потихоньку вокруг проекта сформировалась группа поклонников, которые ждали продолжения. Я не заставил упрашивать себя.

В течение года в свет вышло еще четыре книги: «Томка и блудный сын», «Томка и рассвет мертвецов», «Томка. Тополиная, 13» и небольшой сборник «Томка. Начало».¹ Их и сейчас можно найти на всех крупных платформах страны и мира – от российских «Ридеро» и «Литрес» до буржуйских «Amazon» и «AliExpress». Там же, кстати, можно приобрести и остальные мои книги. Они все разные, как цвета радуги, и все они мне дороги, как могут быть дороги родные дети, но «Томка» всегда занимала и занимает особое место.

Знаете, почему?

Я расскажу.

Прототипом Тамары Антоновны Даниловой стала моя собственная дочь Диана. Ей тогда тоже было шесть лет, она посещала детский садик, куролесила дома и во дворе и задавала миллионы вопросов, от которых взрывалась голова. Она познавала окружающий мир, как все нормальные дети, а я втихаря наблюдал и записывал. Те сотни заметок в блокнотах и звуковых файлов на диктофоне легли в основу проекта. Многие запоминающиеся фразы Тамары Даниловой – это фразы моей дочурки. Привычки, пристрастия, черты ха-

¹ См. приложения в конце книги.

рактера – все это в большей или меньшей степени также списано с Дианы. Рассказать правдивую историю взаимоотношений отца и дочери невозможно без «рисунков с натуры», и в этом смысле наша «Томка» – продукт совместного творчества.

Мы могли бы спокойно выпускать книгу за книгой – успех у читателей был очевиден, да и конъюнктура позволяла, – но в 2015 году случилось непредвиденное. Я застрял на середине романа «Томка вне зоны доступа». На меня обрушилась древняя напасть писателей – ЗАТЫК. По сюжету Антон Данилов для разрешения важного конфликта улетал в Москву, оставляя дочку на попечение своей матери и близкой подруги – соседки по дому и воспитательницы Томки в детском саду. Поначалу всё вроде бы шло гладко, я перекидывал страницу за страницей, ощущая творческий подъем, но в один прекрасный день мой электровоз въехал в бетонный тупик.

Дело не в том, что я не располагал натурой. Москву я знаю достаточно неплохо и могу смело, не вылезая из кресла, отправлять туда персонажей своих книг. Меня также не особо огорчало, что я не знал, куда вести историю. Такое иногда случается: нагородишь черт-те чего, наплетешь сюжетных нитей и сам в них запутаешься. Нужно было просто отложить работу и заняться разведением орхидей.

Куда больше меня смущало то обстоятельство, что Дианка выросла и менялась едва ли не с каждым днем. Книжной

Томке было всё ещё шесть, а моей дочурке исполнилось девять. Для взрослых разрыв не критичный, а вот дети с такой разницей в возрасте отличаются друг от друга, как Смешарик Ньюша от Волан-де-Морта. Я начал забывать, какой была моя девочка три года назад. Я пытался воспользоваться старыми записями, в том числе видео, но они уже не могли заменить живую натуру. Связь с нужной мне реальностью была утрачена, я понял, что книги не будет, и поместил рукопись в архив – в компанию таких же нереализованных идей.

Шли годы. Диана училась в школе, выросла, обзаводилась новыми знакомствами, меняла кумиров и привычки, пристрастия и мечты. Потихоньку тоже начала писать прозу, причем довольно неплохо. Я читал ее работы и ловил себя на мысли, что в этом возрасте у меня получалось хуже. Наши дети, родившиеся и выросшие в двадцать первом веке, учатся гораздо быстрее, и это не может не радовать.

Сам я трудился над другими книгами, экспериментировал с жанрами и формами. Пару раз в приступе ностальгии вплёл веселую семейку Даниловых в чужие истории («Жестъ. Читать до конца» и «Оливье»). Я скучал по ребятам и был рад даже таким коротким «встречам» на нейтральной территории. Уверенности в том, что Томка и Антон вернутся как полноценные центральные персонажи, у меня не было. Нужно уметь закрывать прочитанные главы и не возвращаться туда, где тебе было хорошо. Такова се ля ви.

Но однажды...

...Однажды во время долгой прогулки по городу меня пронзила мысль: а зачем привязываться к детству? Ведь юность куда как сложнее и интереснее! Я же видел, что мои герои прекрасно вписываются в новые реалии, чувствуют себя в необычной обстановке как рыбы в воде. Что, если взять и поместить их в сегодняшний день со всем их багажом прожитых лет? Пусть Тамаре будет четырнадцать и пусть она ведет себя как нормальный подросток с тараканами в голове. Подбрось Даниловым какое-нибудь совсем уж дикое дело, и пусть они вязнут в нем, как в болоте, попутно выясняя отношения. Вот будет потеха! И название придумывать не надо: «Вне зоны доступа» – лучше об образе жизни подростков не скажешь.

Ночью я долго не мог уснуть. Точнее, я практически не спал. Когда мной овладевает идея, достойная воплощения, я забываю обо всем. Идея просто вопит: «Возьми и сделай! Иначе потом жалеть будешь!» Состояние, доложу я вам, посильнее, чем экстаз от музыки «Металлики».

Когда за моими окнами забрезжил рассвет, я уже знал, о чем будет новая история отца-одиночки и умницы-дочки.

Главная отличительная черта нового проекта – полноценное соавторство. Я предложил Диане писать книгу вместе. В свои четырнадцать она уже владела литературными навыками на приличном уровне, кроме того, Диана стала неоценимой помощницей-консультантом, приоткрывшей для ме-

ня мир современной школы и современных подростков. Так мы и работали: основную линию вел я, а дочка комментировала, попутно вставляя отдельные текстовые фрагменты. Также мы снабдили каждую главу саундтреком – подобрали музыкальные композиции, подходящие по стилю и настроению (они указаны в подзаголовках). Здесь опять же существенную помощь оказала Диана: она сходу набросала большой список треков, о существовании которых я не знал. Будь у нас возможность легально издавать музыку, получился бы роскошный альбом. Впрочем, вы можете самостоятельно скачать эти песни в Сети и слушать во время чтения или после, лакируя впечатления.²

Несмотря на нашу увлеченность и готовность довести дело до конца, работа над «Томкой вне зоны доступа» вновь затянулась – теперь уже на три года. Причины разные, и одна из них – уже упомянутый мерзопакостный чужачок по имени ЗАТЫК, который периодически выпрыгивал из кустов с бейсбольной битой и лупил по башке. Диана продолжала взрослеть, и сейчас в свои семнадцать она отличается от себя четырнадцатилетней так же, как Малефисента отличается от Авроры (впрочем, она всегда была и остается доброй и открытой девушкой). Серьезно тормозила процесс и обстановка в стране, как бы ни парадоксально это звучало. Десять лет назад было куда как спокойнее.

Но мы всё же сделали это, мы справились.

² Полный список треков смотрите в приложении в конце книги.

Роман получился жестковатым. В нем больше нет спекуляций на детском обаянии, которыми я пробавлялся ранее. Он суров и реалистичен. Иногда я задумывался, стоит ли вставлять тот или иной эпизод, из-за опасения, что нашу работу могут расценить как нарушение общепринятых норм морали (какая нынче в моде мораль, думаю, объяснять не нужно). Это вам не вторая половина восьмидесятых с ее пьянящим воздухом свободы. Порой я сомневался, что вообще смогу ЭТО опубликовать. Я кусал губы, вычеркивал абзац за абзацем, наматывал километры вокруг дома... а потом возвращался за стол и вставлял удаленные куски на место. Будь что будет, думал я, держа в голове лейтмотив фильма Алексея Германа-младшего «Довлатов»: главное – писать, а люди со временем возьмут всё, что им нужно...

В идеале вам не помешало бы прочесть предыдущие книги серии, чтобы поближе познакомиться с героями, проникнуться атмосферой и настроением, поймать нужный темп. Это было бы здорово. Но в то же время, повторюсь, «Вне зоны доступа» может жить своей отдельной жизнью, и вы не будете испытывать особых затруднений без знания предыстории. Решать вам, а я передаю слово моему соавтору (или как сейчас принято – «соавторке»? Фу). Ей тоже есть что сказать.

Предисловие Дианы Гайнулиной

Да, всё верно, пап. Спасибо, что так красочно представил меня читателям, и спасибо, что наконец подвинулся. Я думала, ты никогда не закончишь.

Итак, друзья, для начала должна отвесить поклон за один отмеченный выше момент. Несмотря на какое-никакое уважение к феминистским движениям и праву людей использовать феминитивы так, как им комфортно, не могу не согласиться: «соавторка» – фу! А теперь к делу.

Учитывая график работы над книгой и бессистемные призывы о помощи (поискать подходящую песню, написать сцену от лица того же подростка, только в более плачевной ситуации, и так далее), процесс письма протекал для меня довольно странными размытыми обрывками. Может, по этой причине даже сейчас у меня не получается склеить события книги в одно целое и осмыслить их, но едва ли это можно назвать большой проблемой.

Может, мне было достаточно того, что я сама являюсь подростком со своими простыми и приятными мелочами жизни, мечтами, а вместе с тем и неудачами, чувством всепоглощающего одиночества и абсолютной растерянности, с которыми можно представить пятилетнего ребёнка, случайно взявшего за руку в огромном супермаркете вовсе не маму. Некоторые сложные периоды жизни продолжаются, ка-

кие-то проскочили благодаря чуду или простой закономерности, а потому мне довольно легко понимать персонажа, столкнувшегося с проблемами переходного возраста во всех его проявлениях.

Кто бы что ни говорил, а подростковый период, протекающий примерно с тринадцати до восемнадцати, – один из самых сложных и важных в становлении личности. Это время закрепления многих привычек, взглядов на жизнь, предпочтений, травм и комплексов. Даже если путь разных людей в этом возрасте проходит примерно одинаково, по истоптанной дорожке и в соответствии с условными клише, где-то система даёт сбой. Кому-то везёт чуть меньше, чем остальным.

Почему я все это говорю? Наверно, потому что считаю это важным. И ведь именно об этом наша история, с которой вы сейчас ознакомитесь.

Приятного чтения и добрых мыслей, дорогие друзья. Берегите друг друга.

ТОМКА

*Делай вопреки, делай от руки,
Мир переверни, небо опрокинь.
В каждом наброске, в каждом черновике
Учитель продолжается в своем ученике.
Всю мою жизнь я иду ко дну,
Всю мою жизнь я искал любовь,
Чтобы любить одну.
Они сказали – нас поздно спасти
и поздно лечить.
Плевать, ведь наши дети
будут лучше, чем мы,
Лучше, чем мы...
Лучше, чем мы...*

Баста, «Сансара»

Пролог I. «У них не умеют ГОТОВИТЬ ДОЛМА» Rolling Stones – (I Can't Get No) Satisfaction

«Ушлый сукин сын, – подумал я. – Слишком хлебосольный. И это нехорошо. Если тебя пытаются угостить дорогим

ужином в армянском ресторане – жди подвоха».

Мужчина, сидящий напротив, будто услышал мои мысли. Он угодливо улыбнулся:

– Выбирайте, не стесняйтесь. Здесь отлично готовят. В понедельник посетителей немного, так что шеф-повар может почти полностью посвятить себя нам.

Я оглядел зал. Ресторан армянской кухни «Гранат» не отличался изысканностью и не блистал национальным колоритом. Он напоминал советскую пельменную: тут тебе и пол с мраморной крошкой, и столы колченогие на две персоны в центре зала, и гигантское панно на торцевой стене с изображением летящей куда-то жестяной Ассоль. Немного корректировали совковый антураж бьющие из колонок «Роллинг Стоунз», но я подумал, что если заглянешь сюда впервые и просто с улицы, едва ли пройдешь дальше гардероба. Очевидно, ресторан действительно формировал пул постоянных клиентов только за счет своей кухни, иначе владельцы давно ушли бы в минус.

Насчет посетителей мой визави не соврал. Мы с ним сидели у окна за большим дубовым столом. За спиной у меня на таких же мягких диванах шумная компания отмечала какой-то праздник некоей Аллы Ивановны – здравицы и звон бокалов звучали непрерывно. В темном углу под Ассолью насупленный мужчина лет пятидесяти в черной толстовке пил водку, закусывая стейком; в противоположном углу парочка молодых людей отмечалась шампанским с пирожны-

ми; а за барной стойкой спиной к нам парень с длинными волосами, перехваченными резинкой, закачивался пивом. Вот и вся компания.

– Да, как-то так, – сказал хлебосольный, проследив за моим взглядом. – Скромный и тихий апрельский вечер.

– Понятно. И все же, Дмитрий, принимать клиентов я привык у себя в офисе. Там более рабочая обстановка. Я сделал для вас исключение, поэтому давайте перейдем к делу.

– Мы обязательно перейдем, но я настаиваю, чтобы вы сделали заказ.

И снова этот подобострастный оскал. Фу...

Я погрузился в изучение меню. Армянский суп хаш, кюфта, хоровац... то бишь обычный шашлык, если по-нашему... долма, еще что-то непроизносимое... Черт, все так вкусно выглядит.

Пока я водил пальцем по списку блюд, Дмитрий подозвал официантку. К столику подошла невысокая девушка в черно-белом костюмчике (а где армянские национальные наряды? – подумалось мне), вынула блокнот и ручку.

– Любезная, – сказал Дмитрий, – для начала пару закусок на ваше усмотрение и двести коньяку.

Заметив мой удивленный взгляд, он поправился:

– Да, пожалуй, триста. Разумеется, армянского.

«Вообще-то я другое имел в виду, щедрый ты мой».

Когда официантка удалилась (мой собеседник не преминул оценить ее тыл, причем демонстративно), я со вздохом

отложил папку и напустил на себя еще больше суровости.

– Еще раз, Дмитрий: я вижу, что наша встреча уже на начальном этапе мало похожа на переговоры заказчика с исполнителем. Знаете, мое агентство не единственное в городе, но у меня есть свои правила. Выпивать с вами не входило в мои планы.

Он молча кивал, но глаза не обманывали – ему до фени мои аргументы.

– Серьезно, – подчеркнул я. – От замечательной кавказской кухни не откажусь, мы поговорим о деле, я вас внимательно выслушаю и по итогам беседы приму решение – браться за ваше дело или нет. Но на этом все. Завтра у меня новый рабочий день, и я должен быть в форме. Кроме того, сейчас меня дома ждет дочь, причем ждет с курицей-гриль, и мне бы не хотелось заставлять ее нервничать.

Дмитрий опустил локти на стол, деловито сомкнул ладони и как-то нехорошо улыбнулся. За такой улыбкой обычно следуют фразы вроде «Боюсь, вы не понимаете всей важности момента». Не люблю я этого.

Тут, кстати, следует сказать, что и выглядел мой заказчик как-то неправильно. Нет, внешне он производил впечатление вполне уважаемого человека – дорогой пиджак поверх белой футболки, перстни на пальцах, айфон последней модели на столе, облако отменного парфюма на километр, – но мелькало в нем что-то коварное. Может, все дело в его рыжем ежике волос и столь же рыжей бородке? Такие типы при-

выкли чувствовать себя хозяевами положения, и немудрено, что парень назначил встречу на своей территории. Осталось понять, как я позволил себя уговорить.

– Что ж, – произнес Дмитрий после небольшой паузы, – я сам не люблю, когда меня против моей воли хватают за руку и водят по темной комнате. Но уверяю вас, вы останетесь довольны.

Принесли закуски. Это был салат с баклажанами, болгарским перцем, помидорами и зеленью.

– Овощной хоровац, – с улыбкой пояснила девушка. – Дитетический, готовится без добавления масла.

В центр стола она водрузила большое блюдо с мясной нарезкой и графин коньяка.

– Позовите, когда будете готовы заказать горячее.

– Спасибо, красавица. – Рыжий с аппетитом оглядел натюрморт, потер ладони. – Ну что, по пятьдесят?

Я устал с ним спорить, махнул рукой – дескать, валяй.

Он наполнил бокалы, поднял свой.

– За успех пить пока рано, так что предлагаю осушить за знакомство.

Чокнулись, выпили, закусили...

Знаете, у меня довольно сложные отношения с алкоголем. Назвать себя пьяницей я не могу (хороший бы из меня получился отец-одиночка, кабы я беспрестанно заливал за воротник). Но и умеренно пьющим я тоже вряд ли являюсь. Оно как-то всё перманентно. Дома у меня есть бар, иногда я поз-

волю себе просто так опрокинуть соточку перед ужином, а если случаются авралы и стрессы на работе, то я прибегаю отнюдь не к помощи дыхательной гимнастики. В общем, могу пить, могу не пить, как говорится. Но вот в чем петрушка: стоит мне сделать пару глотков чего-нибудь крепкого, я превращаюсь в рохлю. Не то чтобы из меня можно вить веревки, но я становлюсь более податливым. Моя дочь Тамара успешно этим пользуется с тех самых пор, когда поняла, что несвязная речь папы, блеск в его глазах и глупый смех – это не признаки усталости на работе или хорошего настроения.

Сейчас, сидя за столиком в ресторане «Гранат», уже спустя пять минут после первого бокала я начал думать, что идея провести здесь переговоры, возможно, не так уж и плоха.

– Откуда вы узнали о моем агентстве? – спросил я, ковыряясь вилкой в салате.

– Это важно?

– Бывает, что и важно, но вообще это наш традиционный вопрос. Мы должны понимать, какие способы коммуникации эффективны. Больше половины новых клиентов приводят другие наши клиенты, остальные приходят с улицы по рекламе. Так откуда вы?

Рыжий вытер губы салфеткой, потянулся к графину.

– Скажем, мне вас рекомендовали.

– Кто, если не секрет?

– Наверно, не секрет, но я пока воздержусь. Знаете ли,

он что-то вроде артиста больших и малых театров, фамилия которого слишком известна, чтобы я ее называл. По крайней мере, сослаться на него он не разрешал, хотя и не запрещал.

– Как все сложно.

Дмитрий якобы с сожалением развел руками.

Мы выпили по второй. Мне стало еще теплее. Суметь бы остановиться вовремя...

Компания за соседним столом продолжала поздравлять Аллу Ивановну. Из пафосных речей я не совсем понял, что они отмечают – юбилей, повышение по службе или рождение внука. Я узнал лишь, что она прекрасный специалист и сказочная жена. Насупленный мужик в углу зала заказал еще водки и вторую порцию стейка. Молодежь перешла на кофе. Парень с хвостом у барной стойки грыз фисташки и чем-то грузил бармена. Новых посетителей не прибавилось.

– Дмитрий, по телефону вы сказали, что подробности своего дела расскажете при встрече. Я уже весь внимание.

Он посмотрел на меня пристально, будто размышляя, пора ли приступать к сути. В этот момент затренькал мой телефон.

– Извините.

Я нажал на иконку приема вызова.

– Паап, – вкрадчиво начала Томка, – ты где?

– Доча, ты же знаешь, как я люблю этот вопрос. Мне твоей мамы хватило.

– Знаю, знаю. – Голос у нее был какой-то грустный. – Так

ты где все-таки?

– У меня встреча.

Краем глаза я заметил, что Дмитрий улыбается. Я снова коротко извинился и покинул кабинку. Терпеть не могу, когда кто-то посторонний слушает наше с дочкой щебетанье.

Я вышел на свежий воздух. Ресторан располагался на пешеходной улице вроде московского Арбата – скопище баров, архитектурных форм, причудливых скульптур, художников, музыкантов, книготорговцев. Сейчас по ней толпами гуляли истосковавшиеся по теплу горожане, и пестрота их одеяний радовала глаз.

Я присел на скамейку недалеко от крыльца ресторана.

– Так, Томыч, у тебя все нормально?

– У меня – да.

– А у кого нет?

Она вздохнула.

– Да так, ерунда, не обращай внимания. Ты когда придешь?

Я посмотрел на часы. Начало шестого. Время даже не детское, а рабочее.

– Пока не знаю. Надеюсь, за часок-полтора управлюсь. Плюс время на дорогу. Я не за рулем сегодня, так что времени уйдет больше.

– Ты выпиваешь?

– Не без этого.

– В офисе?

Я помедлил с ответом. Порой доченька устраивала мне странные и беспочвенные допросы (материнские гены играют?), и я на автомате начинал юлить, как когда-то в разговорах с Мариной. Сейчас у меня не было абсолютно никаких причин врать, но я сказал:

– Да, в офисе, на крыше.

– Понятно. Ты только сильно не увлекайся... есть разговор.

– Дочь, ты меня пугаешь.

– Да ничего страшного. Я ж говорю, со мной все в порядке. Давай сильно не задерживайся и звони, если что.

– Обязательно. Том, там это... в холодильнике есть гуляш, отвари себе макароны, что ли. Не сиди голодом.

– Оки!

Она отключилась.

Я посидел немного, покурил. Все-таки не лежала у меня душа к общению с этим рыжим типом, хоть убей, и даже, кажется, коньяк не очень помог. Мутный он какой-то, загадочный, и манерничает, как Дэвид Суше в роли Пуаро. Но теперь поздно брыкаться. Раз уж позволил себя уговорить, изволь бить чечетку.

Я вернулся в зал. По дороге к своему столику оглядел шумную компанию. Алла Ивановна представляла собой живое воплощение советской бухгалтерии – круглая, щекастая, с большой копной черных волос и будто приклеенной к лицу улыбкой. Поздравляли ее двое сереньких мужчин за пять-

десять и две женщины помоложе без особых признаков. Все они, наверно, были коллегами – слишком уж типичное поведение. Стол ломился от бутылок и блюд, и останавливаться ребята, похоже, не собирались.

– Извините еще раз, – сказал я, вернувшись на свое место. – Дочь потеряла.

– Ничего, я все понимаю.

Судя по выражению лица, Дмитрий не очень переживал из-за моей разлуки с ребенком.

– Итак, – продолжил я, – внимательно вас слушаю.

– Антон, должен вам признаться, что не я ваш клиент. Я его представитель.

– Это не принципиально, мне нужна суть.

– А суть дела раскроет он сам.

Дмитрий указал рукой на вход в зал. Я обернулся...

...и обомлел.

Господин Валуйский собственной персоной! Как писала и пишет о нем пресса, «известный антиквар и ценитель старины». Ха! По мне так он обычный барыга, перегнавший за границу десятки раритетов. Имеет много контактов, в том числе на таможне и в наших ментовских кругах. С ним работали и продолжают работать перекупщики, ювелиры, прочий полезный люд. Для него скупают у стариков за бесценок предметы, он приводит их в товарный вид и перепродает. В общем, уважаемый человек, часто выступающий в сред-

ства массовой информации как эксперт по культурному наследию.

Судьба свела меня с ним восемь лет назад. Он проходил по делу о потерянном Медальоне Непорочного Зачатия – магической штукавине, которая, по легенде, принадлежала чуть ли не самой сестре милосердия Екатерине Лябур. Этой женщине приписывают мистическое общение с Пресвятой Девой Марией. Рассказывают, что в 1830 году во время эпидемии холеры в Париже эта самая Дева Мария явилась к Лябур и повелела изготовить чудесный медальон, который исцелит больных и принесет благодать и счастье всякому, кто будет его носить. В христианском мире сей артефакт до сих пор весьма почитаем. Одна такая штукавина попала к Валуйскому, и он был уверен, что это тот самый, аутентичный Медальон, изготовленный Лябур в девятнадцатом веке. Так ли это на самом деле, сейчас уже не узнаешь, потому что наш успешный антиквар его где-то посеял, а потом уже и я потерял связь с ним самим.

Шумная была история, довольно неприятная, коснувшаяся, помимо прочих, и членов моей семьи, и вспоминать о ней я не люблю. Но вот Валуйский вновь передо мной – такой же толстый, лоснящийся, с золотой цепью на бычьей шее, в белых штанах и рубашке. Даже штиблеты белые. Все как в тот раз, когда я впервые его увидел. И дышит так же натужно.

Наверно, мне полагалось подняться для рукопожатия, как это сделал Дмитрий, но я прирос задом к дивану. Валуйско-

го сопровождали «два дюжих парня из ларца, одинаковых с лица». Мне никогда не нравилась эта публика, несмотря на большой опыт службы в органах.

– Вижу, вы рады меня видеть, – произнес Владимир с иронией, присовокупив кислую улыбку. Чтобы не заострять внимание на торжественности момента, я с невинным видом развел руками. – Позвольте, я присяду?

Я молча отодвинулся к окну, перетащив с собой тарелку с салатом и бокал. Валуйский грузно опустился рядом. Его свита пристроилась за двухместным столиком в центре зала.

– Что тут можно выпить?

– У нас есть коньяк, – подсуетился Дмитрий. – Можно заказать еще, бокал сейчас принесут.

– Не стоит, – возразил антиквар. – С моим-то здоровьем...

Я продолжал хранить молчание, пытаюсь справиться с эмоциями. Во что он опять влез и зачем ему я?

Валуйскому принесли апельсиновый фреш, он отпил немного, оглядел нас с Дмитрием задумчивым взглядом, постучал пальцами по столу. Я ждал вступления. В конце концов, он тут заказчик, а я не умею читать мысли.

Сделав еще глоток, он начал свою речь – так же по-барски и нарочито образно, как и в первую нашу встречу.

– Я рад, Антон, что вы нашли время для меня. И рад, что согласились встретиться именно здесь. Дело в том, что это место имеет принципиальное значение.

– Поясните.

– Все просто. В этом зале находятся люди, среди которых я хочу найти одного. Вы можете помочь.

И хитренько так посмотрел на меня: мол, слабо, сыщик?

Тут уж я не стал молчать. Весь лоск приличного переговорщика слетел с меня, как свежий снег с ботинка. Я им не цирковая мартышка.

– Решили поиграть в «Убийство в «Восточном экспрессе»? Извините, квесты не по моей части.

Я вытер губы салфеткой, отодвинул тарелку. Весь мой решительный вид должен был говорить, что я собираюсь откланяться. Клоуны...

– А вы не спешите с ответом. Оглянитесь вокруг. Уверен, поставленная задача вполне вам по силам.

Я огляделся. Нет, я вовсе не собирался ему потакать, но голова моя сама собой начала вертеться. Это было рефлекторное движение: если тебе скажут, чтобы ты не думал о синем квадратном апельсине, ты непременно его представишь во всех деталях.

– Что скажете? – подначил Валуйский.

– Скажу, что ошибся насчет «Восточного экспресса». Это, пожалуй, «Десять негрят». Вы обманом затащили всех этих людей в одно место и в одно время? Если так, то это ювелирная работа.

– Да, мы тоже кое-что умеем, – не без гордости заявил Антиквар.

– И что натворил этот бедолага? Украл у вас Кольцо Сау-

рона? Подменил чайное ситечко эпохи Рюриковичей?

Меня несло. Во-первых, я выпил, а во-вторых, я всегда верил, что злость полезнее любых других эмоций, включая сострадание. И я был сейчас чертовски зол на них всех – и на Дмитрия с его армянской кухней, и на жирную сволочь в белом, и на его туповатую свиту.

Валуйский же, напротив, явно получал удовольствие.

– Чему вы улыбаетесь? – спросил я.

– Так, вспомнил кое-что.

– Предавайтесь воспоминаниям и дальше, а я пойду, меня ждут.

Я поднялся. Антиквар не предпринимал никаких попыток освободить мне дорогу. Нелепая картина.

– Послушайте, милейший...

– Ну будет вам, Антон, будет. – Валуйский жестом предложил мне сесть обратно. – Я пошутил.

– В смысле?

– В прямом. Не будет никакого квеста. Хотя, признаюсь, мне жаль, могло получиться занятно.

Я вздохнул, медленно опустился на диван. А что мне оставалось делать? Не по башке же его бить. Дюжие молодцы разобрались бы со мной за пару секунд.

Я плеснул себе еще коньяку, никому больше не предлагая. Дмитрий и Антиквар переглянулись. Я выпил залпом, занюхал рукавом. Совсем как в студенческие времена...

– Владимир, либо вы перестаете говорить загадками, либо

я выхожу через окно.

– Хорошо. – Он приосанился, стал серьезным. – Это действительно я собрал всех этих людей, но не обманом. Это сотрудники моих офисов, проедают и пропивают казенные деньги. И у них, кстати, неплохо получается. – Он обернулся к соседней компании. – Ребята, отбой! Давайте там поскромнее!

«Ребята», чествовавшие Аллу Ивановну, притихли. Теперь я слышал за спиной только звон столовых приборов. Остальные посетители ресторана – «дальнобойщик», сладкая парочка и волосатый парень за барной стойкой – с любопытством наблюдали за нами. Похоже, все это время клоуном на манеже был я.

– Чудненько. И зачем это?

– Так, хотел немного поиграть. Знаете ли, я всегда считал, что месть – это такое блюдо, которое надо подавать непременно горячим и под коньячок. Правда, Дима предупреждал меня, что вы не поведётесь, но попытка не пытка.

– За что же вы мне мстите?

Он вскинул брови: дескать, сам не догоняешь? Я сделал вид, что не догоняю.

– Знаете, Антон, я давно отпустил историю с пропажей Медальона. В моей работе случаются провалы, и убиваться по каждому не хватит здоровья. Но за прошедшие восемь лет вы еще не раз переходили мне дорогу, хотя даже не догадывались об этом.

– Когда это?

Валуйский посмотрел на Рыжего. Тот охотно пришел на помощь.

– Год две тысячи тринадцатый: дело о наследстве Валентина Серова, старинные иконы на три миллиона рублей исчезли в неизвестном направлении...

– Да, было, – с грустной улыбкой подтвердил Валуйский. – Ушли из-под самого носа, и всё благодаря тому, что вам удалось отыскать настоящее серовское завещание. Иконы были не так чтобы Андрей Рублев или Феофан Грек, но глупые наследницы и того не оценили, скинули кому-то по дешевке. Я не смог их найти. Дальше, Дима.

– Две тысячи пятнадцатый, – деловито продолжил Рыжий, – налет на загородный дом Анны Скобликовой. Инсценировка обычного ограбления с целью сокрыть кражу важных документов...

– Вы проходили по делу как свидетель, Антон, сдали следствию всё, что нарыли. Это было больно.

– Август восемнадцатого, наружка за бизнесменом Юрием Ладыгиным...

Дальше я уже не слушал, с беспечным видом грыз лимон. Пришла моя очередь получать удовольствие от аудиенции. Да, то были интересные дела, и я их помню в деталях. Вот только я и представить себе не мог, что судьба снова и снова сталкивала меня с одним и тем же человеком. К чему бы, спрашивается?

Дмитрий закончил перечисление подвигов сыщика Данилова. Валуйский внимательно изучал мою реакцию.

– А вы прямо как профессор Мориарти, – сказал я, скидывая лимонную кожуру в тарелку. – Записи в блокноте не вели?

– Не было нужды.

Я отряхнул руки, торжественно прочистил горло, как диджей на радио перед включением микрофона.

– Что ж, друзья, мне льстит ваше внимание к моей персоне, но я не очень понимаю, чего вы хотите. В суд на меня подать? Затолкать в машину и увезти в лес? Будьте уверены, что во втором случае через час-полтора за вами придет весь городской гарнизон Росгвардии.

– Ой ли? – хмыкнул Антиквар.

– Хотите проверить? Ради такого шоу я готов полежать в багажнике со связанными руками.

Повисло тягостное молчание. Мы смотрели друг на друга, как Волан-де-Морт и Гарри Поттер. Того и гляди из глаз полетят молнии.

– Давайте колитесь уже, Владимир, не томите.

Он сдался.

– Как угодно. В общем, вы продемонстрировали свой исключительный профессионализм, и я даже не могу на вас сердиться. Чего уж там, вы были на высоте... Как вы посмотрите на то, чтобы поработать на меня?

– Хм, любопытно. В качестве кого?

– В качестве начальника службы контрразведки. Шутка. Я предлагаю вам стать полноправным членом моей команды. Мне нужны люди вроде вас, мы могли бы сделать много полезного для общества и некоторых отдельных его членов. Что скажете?

Я задумчиво постучал пальцами по столу. Не могу сказать, что был удивлен таким неожиданным предложением – все сегодняшние выкрутасы Валуйского и его людей намекали на нечто подобное, – но рассматривать его всерьез я не собирался.

Антиквар понял это по моим глазам.

– Отказываетесь?

– Конечно.

– Могу я узнать причину?

– Можете. Вы плохой человек.

– Seriously? Хороший человек, плохой – вы это серьезно?

– А это всегда очень серьезно. Это вообще единственная серьезная вещь на свете – хороший человек или говно.³

Валуйский нахмурился. Переход от светского трéпа к идеологическому противостоянию его озадачил.

– Вы не забываетесь, сыщик?

– Нет, я в трезвом уме... ну, почти... и в твердой памяти. А посему прощайте. Спасибо за ужин. Кстати, долма тут

³ Антон практически дословно воспроизводит один из своих любимых диалогов из сериала «Ландыш серебристый» (реж. Тигран Кеосаян, 2004 г.). Допускаю, что это не более чем фантазия. – *Прим. автора*).

не очень, моя дочь лучше готовит.

Я снова поднялся – на этот раз с твердым намерением перешагнуть толстяка, если потребуется, и пусть его телохранители хватаются хоть за волыны, хоть за столовую утварь. Я ведь не шутил насчет Росгвардии: один звонок Володе Стрельникову из ГУВД – и Валуйского закатают в асфальт.

Антиквар вышел из-за стола, освобождая мне путь.

– Вы всё же подумайте, – сказал он напоследок. – Я даже готов забыть ваши обидные слова...

– Но я их не забуду. И повторю, если снова вас увижу. Бармен, налейте парням горилки!

Я направился к выходу, чувствуя спиной взгляды всех присутствующих, включая подставных посетителей. Я был чертовски зол. Столько времени потратил, зараза!

На улице я купил эскимо. Откусил большой кусок, проглотил, обдав гортань холодом. Я слегка успокоился и подумал: а вообще-то прикольно получилось, столько комплиментов услышал, и от кого! Когда еще такое случится...

Ладно, черт с ними. Дома меня еще ждет какой-то разговор с Тамаркой, а это гораздо важнее. Как-то странно она звучала в трубке. Не случилось бы чего.

Пролог II. Гелендваген

Depeche Mode – Welcome To My World

Для середины апреля солнце светит слишком ярко, а лица прохожих чересчур спокойные, почти умиротворенные. Прохожие будто не замечают грязи и слякоти, в которой, кажется, потонул весь город по самые крыши. А я сейчас, сидя в своей комнате у окна и удерживая на коленях личный дневник, не могу отгородиться от назойливой и едкой полоски света, что пробилась в щель между шторами. Солнце иногда раздражает.

День сегодня начался ужасно. Я очень надеялась, что все неприятности закончатся утром пролитым на любимый свитер соком – перед самым выходом из дома! – но черта с два. Из-за нехватки времени решила сократить дорогу в школу и увидела «интересную» картину. Незнакомый паренёк с чужой подачи налетел на ствол дерева, обхватил голову руками и начал оседать.

Идиота, который толкнул бедолагу в спину, я знала как облупленного, до раздражающего звона в ушах.

Думаете, я вмешалась? Конечно, нет.

Желчное: «Заводи мотор, Гелендваген, и уноси бампер!» – не заставило себя ждать.

Не помню, когда в последний раз меня называли по имени. Даже у преподав язык не поворачивается произнести

«Эвангелина», всегда только «Вартанова» (и ладно, если так, а то ведь норвят еще и по национальности пройтись). Чего уж говорить об одноклассниках, этих помешанных на социальном статусе уродов. Никогда их не любила, честное слово...

Хулиганы двинулись в мою сторону. Что мне оставалось? Сорваться с места и нестись напрямиком к школьным воротам, ни разу не оглянувшись. Это единственное, на что у меня обычно хватает смелости.

Но сегодня я не успела. Гмыря в два прыжка домчался до меня.

– Любопытная? – поинтересовался он с омерзительной улыбкой. Боже, как я ненавижу эту его улыбку! От нее кровь стынет в жилах.

– Я просто подумала, может, проблемы какие...

– Всё уже нормально. Никаких проблем, никто никого не обижает. Мы же не будем трепаться?

Парень, которого Гмыря с приятелем приложили к дереву, уже поднялся на ноги. Из носа текла кровь, из глаз – слезы. Он был младше нас. Кажется, из пятого класса нашей школы.

– Я пойду...

– Иди. Быстрее иди.

И я пошла. Почти побежала. Я физически плохо себя чувствовала рядом с ним. Он настоящий монстр.

Интересно, как далеко можно убежать – от этих ублюдков,

от этого класса, от этой гребаной школы? От мамы с папой?
Из города? Убежать туда, где тебя никто не знает... а еще
лучше убежать так, чтобы тебе самой было уже все равно.

Но я не знаю, возможно ли это. Смогу ли.

Чертов слабак.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Полёт

1. Как тут не нажраться?

Lil Peep – Broken Smile (My All)

– Том!

Нет ответа

– Том!

Нет ответа.

– Тамара, блин!

По-прежнему молчок...

А чего вы ждали? Что она выскочит в прихожую в розовых штанишках до щиколотки и заверещит, повизгивая на гласных звуках, что дошла до сорокового уровня в «Гнезде дракона»?

Всё в прошлом, это больше не повторится. Восемь лет пролетели пулями у виска, и за все эти годы дочь так часто меняла образы, привычки, пристрастия, кружки и секции, друзей и музыкальных кумиров, что я в какой-то момент перестал это фиксировать. Теперь мне остается лишь принимать то, что есть, довольствоваться воспоминаниями и иногда включать свой старый рекордер, в котором хранилась вся наша семейная видеохроника за четырнадцать лет.

Да, Томке четырнадцать. И она не всегда встречает меня у порога.

– Тома, ты меня слышишь? Папочка пришел!

Тишина.

Наверняка лежит сейчас на диване в своей комнате, задрав ноги на стену, и слушает в наушниках гребаный рэп.

Я скинул туфли, бросил связку ключей на тумбочку и прошагал по коридору к «перекрестку», от которого можно было попасть в ванную, кабинет и детскую. Дверь в комнату Томки была закрыта.

– Томыч! – снова позвал я, но уже тише, чтобы не напугать.

Ни звука в ответ.

Я постучал в дверь. Не услышав реакции, легонько толкнул ее.

Так и есть. Дочь распласталась на кровати в позе витрувианского человека Леонардо Да Винчи. На животе лежал смартфон, а от ушей тянулись ярко-красные проводки. Если сейчас неожиданно обозначить свое присутствие, можно довести ребенка до заикания.

Ладно, пусть балдеет. Заслужила – принесла вчера четверку по математике (самому ненавистному ей предмету).

Я аккуратно прикрыл дверь, пересек гостиную и прошел в совмещенную с ней кухню. Достал из холодильника банку «Хайнекен». Уселся за стол. Мне требовалась «догрузка» после всего, что произошло в ресторане армянской кухни.

Еще один дурацкий день.

Впрочем, как любит повторять Томка, что в этом нового?

Меня зовут Антон Данилов. Мне сорок шесть. Как вы уже поняли, я бывший мент, а ныне частный детектив. Так уж сложилось: несколько лет назад ушел из уголовного розыска ввиду эстетических разногласий с системой, и теперь мой хлеб – слежка за женами и мужьями, поиск сбежавших детей и пропавших завещаний, охрана тел богатых пузанов, установка сигнализаций и все такое прочее. Еще я самый известный в городе отец-одиночка. Мы с дочерью живем вдвоем в своей просторной четырехкомнатной квартире, оставшейся за мной после развода. Друзья предлагали мне переехать в коттедж или таун-хаус на берегу водохранилища, показывали несколько вариантов по очень привлекательной цене, но я как-то сердцем прикипел к нашей четверке в спальном районе северо-запада. Да и куда нам на двоих барские хоромы? Я большую часть дня торчу в офисе, Томка живет какой-то своей жизнью, не до конца мне понятной, болтается в городе, пару раз в неделю ходит на тхэквондо, где у нее есть семнадцатилетний друг мужеского полу, некто Елисей (да, это его настоящее имя, и он действительно просто друг, насколько я могу судить по рассказам дочери). Пересекаемся мы с Тamarой лишь утром, вечером и в выходные. Кто будет за коттеджем ухаживать? Домработницу нанимать? Совсем уж буржуиство какое-то.

Моя бывшая жена и мать Томки Марина Гамова, оставившая нас девять лет назад, со временем вроде образумилась. Об обстоятельствах нашего развода и его последствиях я уже рассказывал.⁴ Это была довольно неприятная история, в которую мы с дочкой втянулись против своей воли. Ложь, интриги, проклятый Медальон Непорочного Зачатия, попадание дочери в заложницы – веселого мало. Возможно, где-то в глубине души я все еще сердился на Марину, вспоминая нелепость нашего брака, но общая дочь примиряла меня с этой женщиной

Время – честный человек. Марина «повзрослела», обрвала все свои невольные криминальные связи, вышла замуж за приличного парня – старшего специалиста одной серьезной юридической конторы. У них растет сын, умный и сосредоточенный не по годам пятилетний теленок. Иногда мы собираемся все вместе на шашлыках в их загородном доме, разговариваем, пьем, смеемся. Томка и Марина общаются, хотя дочь по-прежнему с неохотой отправляется к ним гостить, когда у меня выпадает длительный рабочий аврал. С возрастом дочь стала более замкнутой и скрытной. Подросток с тараканами в голове, что поделаешь.

Вы спросите, что у меня самого с личной жизнью?

Да ничего особенного. Не так давно у нас с Тамаркой состоялся неожиданный разговор на эту тему.

– Па, а для тебя любовь какое имеет значение?

⁴ См. первый роман серии «Томка, дочь детектива».

Я в этот момент как раз натягивал утренние носки, вспоминая замечательный вступительный монолог Камиля Ларина из продолжения «О чем говорят мужчины»: «С возрастом пауза между первым и вторым носком увеличивается». Я опешил и действительно завис, как Камиль. Осторожно уточнил:

– У любви миллионы лиц и воплощений. Тебя какая ипостась интересует?

– Любовь к женщине, например.

Я выдохнул.

– Намного меньшее значение, чем любовь к дочери.

Она обняла меня за плечи.

– Я тоже тебя люблю, пап, поэтому беспокоюсь. Я давно не видела рядом с тобой женщин. Это неправильно. Может, ты подумаешь об этом? Весна все-таки.

– Хорошо, подумаю.

Доча у меня молодец. стакан пива умирающему она точно принесет...

С Олесей Лыковой, нашей соседкой по подъезду и бывшей воспитательницей детского сада, который посещала юная Томка, у меня все застопорилось. Слишком долго наши отношения, завязавшиеся еще при Марине, были дружескими, соседскими. Она была первым педагогом нашей дочери, мы часто вместе отмечали праздники. Когда Марина ушла, мы продолжали общаться в прежнем объеме, хотя взаимная симпатия нет-нет да и вылезала наружу. Меня такой расклад

вполне устраивал, я ведь старый одинокий волк, да и с бывшей проблем хватило. Однако Олеся однажды посмотрела на это несколько иначе, по-женски.

Мы были близки. Увы, недолго – около года. Я никак не мог решить, что делать дальше. Мы даже не съезжались, так и бегали друг к другу по подъезду, словно пионеры. Томка подкалывала: «Пап, перестань мучить Олесю Петровну. Мне уже неловко за тебя». А я как воды в рот набрал. Мне было удобно, что после наших встреч Олеся спускается к себе на второй этаж (или я от нее поднимаюсь на свой шестой). Если что, она всегда рядом. Ресторан, пикник, театр, походы в парк с детьми – всегда пожалуйста.

Немудрено, что Олесе это надоело. Она не могла больше оставаться просто другом семьи, ей нужна была ясность, она хотела видеть перспективу... которую я не готов был ей показать.

Олеся уволилась из детского сада, собрала вещи и уехала вместе с сыном к матери в небольшой областной городок, оставив квартиру своему бывшему мужу (которому квартира, собственно, и принадлежала). Иногда мы созваниваемся. Насколько я могу судить, Олеся тоже до сих пор одна. Видимо, такая же ненормальная.

Ничего не могу с собой поделатъ. Она хорошая, добрая, покладистая, хоть и с зубками. Образцовая воспитательница и настоящая боевая подруга, попадавшая вместе с нами в заварушки. Но единственный человек, с которым я способен

долго уживаться в четырех стенах, это Тамара. Хоть убей.

Наверно, я сам никак не повзрослею.

Я допил одну банку и уже прицеливался ко второй, когда Томка заплывла в кухню – расплетенная и растрепанная. Она давно не подпускала меня к своим волосам, которые мы вырастили еще в младенчестве и не трогали до сих пор, лишь подрезая концы. В школе Томку когда-то называли Рапунцель...

Она выглядела очень мрачной.

– Привет, па. Все пьешь?

– Угу. Пить очень хочется.

– Мне тоже.

Тамара налила себе воды, присосалась к стакану с такой жадностью, будто прошагала несколько километров по пустыне. Когда она прервалась, чтобы перевести дыхание, я с усмешкой спросил:

– Сушняк?

– Типа того. Как там твоя встреча?

– Так себе. Они не умеют готовить долма.

– Чего?

– Долго рассказывать. – Я метнул пустую банку в ведро. – У тебя-то что стряслось? Из твоего звонка я ничего не понял, да и сейчас на тебе лица нет.

Она села напротив. Взгляд был тяжел. Я невольно вспомнил ее шестилетней и сравнил с тем, что видел сейчас. Небо

и земля. Где-то заблудился мой неунывающий «резиновый утенок», потерялся в коридорах взросления.

– Гелендваген разбился, – молвила дочь.

– В смысле?

– Помнишь, у нас в классе девчонка была, Эвангелина Варганова. Ее все гнобили.

– Да, помню, имя у нее необычное. Что стряслось?

Томка допила воду залпом. Поставила стакан на стол, выдохнула и отрешенно уставилась в окно.

– Упала с многоэтажки.

– Господи... – У меня отвисла челюсть. – Спрыгнула?

– Не знаю. Завтра в семь срочное родительское собрание в классе, психолог придет. Это шухер.

Ресницы Томки дрогнули. Она у меня всегда была слишком чувствительной девочкой, все принимала близко к сердцу. По части эмпатии в среде сверстниц ей не было и нет равных. Но только ли в этом дело?

Я полез в холодильник, достал вторую банку. С сомнением посмотрел на опустевшую картонную упаковку. Закончить сейчас или заглянуть в свой бар за тяжелой артиллерией?

– Будешь дальше пить? – спросила Томка.

– А как тут не пить, дочь. Не понос, так золотуха.

Она поднялась, крепко обняла меня за шею. Ростом мы с ней почти сравнялись.

– Осталась записка или что-нибудь в этом роде?

Тамара чуть не взорвалась:

– Не знаю, пап! Ничего не знаю... и не хочу знать. Пойду лучше лягу. Ужинать не буду, неохота.

– Хорошо, милая, конечно...

Она ушла к себе, оставив меня в глубочайшем недоумении. Такой я не видел ее давно. Да что там «давно» – никогда. Как говорил один из мультяшных сыщиков Колобков, либо что-то случилось, либо одно из двух. Впрочем, гибель одноклассницы – не достаточный ли повод?

Я перешел в кабинет, уселся перед рабочим столом, включил ноутбук. «Как же непросто быть отцом, – подумалось мне. – Сложнее лишь оставаться папой».

Если вы помните, я по первому образованию филолог. Странная блажь, согласен, но так оно и есть. Несмотря на многолетнюю работу в криминалистике, тяга к Слову меня так и не отпустила. В свободное время я пишу прозу – заметки, миниатюры, рассказы. Кое-что публикую в интернете. Очень много писал в свое время о нашей с Томкой жизни. Ей тогда было шесть лет. Цикл публикаций был очень популярен, некоторые миниатюры перепечатывали в местной периодике. Я даже издал пару электронных книг, а подписчики в Сети до сих пор заглядывают на нашу страницу, интересуются: что новенького?

Но есть одна рукопись, которую я не публиковал и вряд ли опубликую. Мне бы ее закончить для начала. Каждый раз,

сядась вечером перед компьютером с открытой страницей многострадального текста, я надолго зависаю. Слова не идут дальше. Нет вердикта, итога. Теорема, не имеющая решения. А сегодня еще и трагическое происшествие в Томкиной школе

Вообще, для кого я это пишу? Для себя?

Похоже на то.

2. Неопубликованное

Чиж & Со – 18 Берёз

Об отце я могу рассказать не очень много. Некоторые воспоминания размыты и неразборчивы, как силуэт человека за матовой перегородкой душа. Помню, как отец отвозил меня, укутанного в пальто и махровый шарф, в детский сад в пустом и холодном «Икарусе». Помню его посиделки с друзьями, когда мать допоздна задерживалась в школе, взяв на себя дополнительную нагрузку. Странные и немного страшные мужики с красными лицами устраивали посиделки перед телевизором – бутылки, закуска, финты Харламова, громкие разговоры и просьбы охмелевшего папаши принести с кухни еще одну тарелку. Мне тогда было года четыре. Возможно, именно по этой причине я до сих пор в целом равнодушен к хоккею, хотя мои ребята из офиса исправно берут отгулы или уходят с работы пораньше, чтобы не пропустить игру сборной на чемпионате мира или Олимпиаде.

Память – штука удивительная, порой проделывает над человеком очень странные фокусы. Хоккей стал ассоциироваться у меня со звоном стаканов, запахом плохой копченой колбасы и едкими комментариями с использованием лексикона грузчиков. Едва ли папаша мой задумывался, какой визуальный багаж оставляет собственному отпрыску. Ему бы книжки мне читать перед сном, водить в зоопарк, в цирк,

в кукольный театр, а вместо этого – Харламов и рожи собутыльников.

Впрочем, бывали и хорошие моменты, отчасти восстановленные в памяти рассказами матери. Например, с ее слов я узнал, что отец в минуты просветления довольно неплохо работал руками – чинил сантехнику, мастерил что-то в гараже, помогал соседям. Однажды зимой пристроил во дворе скворечник, и не было предела радости дворовых ребятишек, наблюдавших за стайками снегирей и синиц.

Он работал в каком-то мутном строительно-монтажном управлении – то ли командовал небольшой бригадой, то ли руководил работой грейдера. Сколько же мне было лет, когда он брал меня с собой? Шесть-семь? Не больше. Я вертел головой в разные стороны, но так и не понимал, чем занимается это странное предприятие. Мне казалось, что отец приходит на работу исключительно затем, чтобы посидеть с мужиками в курилке, забить козла на обшарпанном колченогом столе, вдоволь поматериться и пообедать в заводской столовой (вот еще одно воспоминание: в этой маленькой забегаловке, где под потолком неизменно жужжали эскадрильи жирных мух, готовили замечательный борщ, котлеты и компот с большими ягодами).

Наверно, отец был добрым человеком. Я не припомню ни скандалов в доме, ни пьяной ругани, ни уж тем более драк, какими могли похвастаться многие мои приятели во дворе. Уверен, что заслуга в этом полностью принадлежала моей

матери: она у меня женщина интеллигентная, учительница, никогда не тратила слов попусту, не укоряла, не предавала анафеме и уж тем более не предпринимала попыток выставить на лестничную площадку чемодан, набитый отцовскими трусами и бритвами. Она была живым воплощением русского женского терпения, способного вытянуть на себе все, начиная с мужниной бесхребетности и пьянства и заканчивая глобальным экономическим кризисом. Одного лишь понять не могу: каким образом соединились в этом мире два столь непохожих друг на друга человека?

Физика. Чистая физика как наука (а не то, о чем вы подумали), в которой Софья Андреевна Данилова всегда была и остается дока. Что-то там о притягивающихся противоположностях, если я не ошибаюсь, но мама предпочитала не развивать эту тему. История их развода открылась мне лишь в зрелом возрасте, когда я уже сам приступил к набиванию первых шишек в попытках устроить личную жизнь.

Он кого-то встретил. То ли на работе, то ли в своих частых вояжах на рыбалку. Рыбалки моего отца и друзей – это не наши с Томкой жалкие вылазки на озеро, где мы сидели на понтонах, закидывая удочки с ненужными поплавками, где стаи жирных и голодных окуней ходили под нашими ногами в такой близости, что их можно было ловить если не руками, то обычным детским сачком. Отец с друзьями готовились к рыбалке целую неделю: собирали снасти, прикорм, сумки продуктов, бутылки, палатку и еще миллион всяких

мелочей. Рано утром в субботу батяня, чмокнув меня, полусонного, в щеку, навьюченный не хуже верблюда, выходил из дома, садился в уазик, и они уезжали куда-нибудь в соседний Казахстан, на озеро, название которого я никогда бы не запомнил. Чем они там занимались, бог ведает – может, действительно, рыбачили, – но возвращался отец в понедельник весь красный, плохо пахнувший, временами злой и – без рыбы. БЕЗ РЫБЫ!!!

– Мы ее ловим и тут же жарим на сковородке, – объяснял папаша. – Не везти же домой за триста километров!

Из одной такой поездки он не вернулся. Позвонил из Кустаная и сказал, что возникли проблемы, решение которых требует его присутствия (это в переводе матери, ибо сам отец риторикой в должном объеме не владел). В объяснение деталей он не погрузился, мама узнала подробности только от его друга-собутыльника, которого удалось поймать на участке СМУ спустя неделю. Мужик шмыгал носом, отводил взгляд, а потом коротко бросил:

– Баба у него там.

Единственный раз пересекшись взглядом с Софьей Даниловой, он смущенно добавил:

– Дурак, чо. Я ему говорил...

С тех пор я отца не видел. Восемь лет назад после шумного дела с проклятым домом на Тополинке⁵ нас известили, что он окопался где-то в Москве. Жил на широкую ногу, швы-

⁵ См. четвертый роман серии «Томка. Тополиная, 13»

рялся деньгами, владел дорогим имуществом и, наконец, по-мер, оставив всё нажитое нам с матерью. Мы не стали вступать в наследство. Точнее, мама слетала в столицу, оформила какие-то бумаги и передала отцовские активы благотворительному фонду. Гордая женщина.

Знаете, меня до сих пор донимает вот такая мысль: благодаря чему и кому я получился таким, каким получился? С десяти примерно лет жить без отцовской поддержки, без необходимых слов, без простой мужской науки. Я не превратился ни в маменькиного сынка, смею надеяться, не был изгоем в школе и достаточно неплохо закрепился в этой жизни, выбрав вполне себе мужскую профессию.

Как?!

«Каком кверху», – подумал я и закрыл файл.

Я вновь не написал ни слова. Из головы не выходила несчастная Эвангелина Вартанова. Сверстница дочери. Одноклассница.

3. #трудоыебудни

Томас – Возвращение

Утром, проснувшись раньше дочери, я полез в интернет за новостями. Я мог бы сделать это и накануне вечером, но настроение и так было ни к черту, к тому же оперативность наших информационных агентств в отсутствие серьезных катаклизмов типа взрывов домов и метеоритов оставляла желать лучшего.

Итак, ленты новостей кратко сообщали следующее: девочка четырнадцати лет, учащаяся седьмого класса средней школы номер такой-то найдена мертвой у стен строящегося дома по Университетской Набережной... Характер повреждений указывает на падение с большой высоты. Судя по всему... очевидно... наиболее вероятно... бла-бла-бла...

Официальная пресса ужом вертится, чтобы не называть вещи своими именами, потому что государство должно заботиться о нежных подростковых душах. Наши дети не прыгают с крыш, не режут вены, не знают про геев и лесбиянок, не курят, не пьют и любят президента. Россия – страна розовых пони.

Впрочем, не всё было так безнадежно. Информация из разных источников в целом совпадала, но если государственные и провластные СМИ сухо излагали содержимое пресс-релизов, то недобитые хулиганы от журналистики

ки больше напирала на нюансы. По их данным, девушка выпала с балкона шестнадцатого этажа примерно в семнадцать-ноль-ноль в понедельник. Возможно, чуть позже. Сторож на стройке ничего внятного сказать не мог – весь вечер торчал в своей будке по другую сторону дома. Вторые ворота со стороны подъездов были открыты, поскольку в тот день на объект завезли партию комплектующих и вечером ожидалась еще одна машина, которая так и не пришла. Подъезды еще не были как следует оборудованы, войти мог любой. Осмотр балкона, квартиры и лестничной площадки, равно как и опрос жителей дома напротив, никаких существенных деталей не добавили. От погибшей в доме остался пакет с учебниками и тетрадями, а в кармане девочки нашли какой-то документ, содержание которого не разглашалось. Предсмертная записка? Чек из магазина? Скидочный купон в салон красоты? Черт его знает, тайна следствия. Интересно, что они нароют в ее мобильном телефоне и социальных сетях? А что вытрясут из одноклассников?

Словом, поганая история, которую любой нормальный родитель обязательно пропустит через себя. Я не исключение...

Томка вышла из комнаты в семь-пятнадцать. Она, похоже, так и уснула в своей любимой растянутой серой футболке и просторных шортах до колен. Как залезет в одну одежду, так и носит, пока с нее грязь корками не начнет отваливаться.

– Ты меня не разбудил, пап.

– Как раз хотел. Завтрак на столе. Давай, собирайся и не опаздывай. Я на работу.

Чмокнув меня на прощание в прихожей, она напредила:

– Собрание в семь.

– Заеду по дороге из офиса.

– Только не слушай про меня гадости. Это все неправда.

– Конечно. Ты же у нас ангелочек.

Она вымученно улыбнулась.

Не нравится мне ее настроение в последнее время. И дело тут не только в гибели сверстницы. Очевидно, есть что-то еще, чего я пока не знаю.

Детективное агентство мое, легкомысленно названное «Данилов» в честь основателя и бессменного руководителя, переехало в другой офис. Раньше мы сидели в престижной высотке в Сити, занимая три больших комнаты на одном этаже. Я тогда почти ни в чем себе не отказывал: содержал приличный штат, всех этих аналитиков, юристов, водителей, полевых агентов, не жалел средств на техническую модернизацию и премирование особо отличившихся сотрудников. Я мог себе это позволить, потому что «Данилов» входил в число лидеров рынка. Однако после приснопамятных «бомбежек Воронежа» пять лет назад, повлекших экономический и морально-умственный кризис, я принял решение слегка затянуть пояс.

Теперь мы снимаем часть верхнего уровня в скромном двухэтажном особняке возле Городского сада. Внешне он похож на гостевой флигель старой дворянской усадьбы. Я видел такие в московском парке Кусково. Особняк компактный и уютный, со стороны сада к нему прилегает одноэтажный хозяйственный бокс, на крышу которого, приспособленную для отдыха, мы выходим прямо через балконную дверь. С этой крыши открывается чудесный вид на парк с его аллеями и прудом.

Соседей на нашем этаже пока нет, офисы пустуют, а обитатели первого этажа – редакция бесплатной городской газеты и нотариальная контора – нам особо не докучают. На входе в стеклянном стакане сидит охранник Вакула, состоящий в штате у владельца здания. Вы будете смеяться, но это у него не прозвище, а самая настоящая фамилия. Благодаря тому, что и внешне парень чем-то напоминал гоголевского кузнеца с дурацкой прической «под горшок», все так и кликали его по фамилии (лишь я называл его Андреем). Он не обижался. Парень был добродушный, даже немножко туповатый, но дело свое знал.

Экономия на аренде офиса вышла существенной, однако самым сложным решением в те годы стало сокращение штата. Я никого не мог оторвать от сердца. Я собирал команду не один год, занимался сложной селекцией, как менеджер топового клуба НХЛ. Искал, соблазнял, перекупал, торговался, довел работу этого механизма до совершенства. И вот как

это можно было потрошить?

Пришлось избавиться от некоторых элементов «надстрой-ки» – юридический и технический отделы я перевел на аутсорсинг. Полевых игроков оставил всех, но урезал зарплату на десять процентов. Ребята поскрипели немного, однако заявление на стол никто не положил. И зоркий глаз Саша Стадухин, и сыщики Картамышев-Артамонов, которых мы называли «двойняшками» из-за сходства фамилий и внешних данных, и даже угрюмый водитель Матвей, бывший каскадер и дамский угодник, – все они остались. Они знали, что я не буду жировать на Мальдивах на эти сэкономленные проценты зарплатного фонда, а я в свою очередь был уверен, что они не предадут и не станут работать хуже.

Стоит ли упоминать, как я был рад и даже счастлив, что старички, работавшие со мной с самого основания – мой заместитель и мозг компании Петя Тряпицын и хозяйка офиса Настя Голубева, – также оставались на своих местах? У Насти, правда, поменялась фамилия, она теперь Левкович по мужу, да и вообще с годами подтянула дисциплину, посерьезнела, по распродажам и салонам красоты в рабочее время не бегаёт, часами на телефоне не висит. Похорошела, в общем. Что касается Пети, то он мало изменился. Как был умницей и моей правой рукой пятнадцать лет по двадцать четыре часа в сутки, так им и остался.

Как писал Довлатов, у нас троих уже не любовь, а судьба.

В холле на первом этаже я задержался. Вакула на вахте читал газету. За спиной у него бубнил радиоприемник. В воздухе витал запах заваренной китайской лапши.

– Антон Васильевич, здрасьте! – Он протянул руку в окошко.

– Привет, Андрюш. Как дела в замке?

– Тишина и покой. Только ночная смена передала вот это. – Он полез под стол, пошуршал там бумагами и вскоре просунул в окошко небольшую женскую сумочку из светлого кожзаменителя. – Кто-то оставил в фойе на стульях возле нотариусов. Мой ночной сменщик опять лыка не вязал, не смог ничего объяснить.

Я покрутил сумку в руках, пощупал бока.

– Саперов не вызвал?

Вакула замер с приоткрытым ртом. Мне нравилось над ним подшучивать. Он был таким бесхитростным.

– Думаете, в ней бомба?

– Давай посмотрим.

Я оттянул молнию, заглянул внутрь. Как ни странно, в сумочке не было ничего, что обычно входит в список дамских аксессуаров, – ни косметички, ни зеркальца, ни расчески. А были там только толстая тетрадь в пружинном переплете с синей обложкой и перьевая ручка. Не «Паркер», но и не дешевка за тысячу рублей.

– Это, наверно, кто-то из клиентов соседей. Пойду занесу. Кстати, мог бы и сам это сделать.

Вакула виновато улыбнулся. Он почему-то избегал общения с нотариусами. Наверно, стеснялся их. Там работали одни девчонки, и весьма недурные собой...

Я пересек холл, постучал в дверь с табличкой «Нотариус Дахненко О. В.».

– Войдите!

Я толкнул дверь

– Оксан, привет!

Сидевшая за столом в дальнем углу женщина с короткой мальчишеской стрижкой подняла голову.

– Привет, соседушка. Чего принес?

– Посмотри, не ваши оставили?

Оксана вышла из-за стола. Сегодня она была в джинсах, а не в юбке до колена. Фигура у нее что надо.

– Знакомая сумочка. Брат с сестрой делят бабкину дачу. Она хочет продать и поделить деньги, а он собрался там теплицу ставить. Достали оба, Каин и Авель, блин... Давай, я им позвоню.

Она приняла у меня сумку, бросила ее в гостевое кресло возле кулера.

– Каин и Авель были братьями, – сказал я.

– Да и пофигу. Ты бы лучше с тортиком зашел. А то гуляете там у себя по вечерам, на крыше тусуетесь, Балдерис этот у вас вообще прописался. Нас, одиноких незамужних девочек, почему-то игнорируете.

Я оглядел кабинет. Столы пустовали, компьютеры не ра-

ботали.

– А где твои девочки сегодня?

– Галка на выезде, у Любы, пардон, месячные. – Оксана приблизилась ко мне, положила руку на плечо. – Ну, когда чай пить будем, Шерлок?

– После поездки к Рейхенбахскому водопаду, – улыбнулся я и направился к двери.

– То есть никогда?

Уходя, я послал ей воздушный поцелуй.

Оксана была «странно прикольная». Так ее при первой встрече назвала Томка. Я и сам поначалу, когда нотариусы только въехали в наш флигель, принял ее за лесбиянку или феминистку, но в процессе добрососедского общения вскрылось много опровергающей информации. Как-нибудь потом расскажу...

Я поднялся на второй этаж. На лестничной площадке мой сыскарь Сашка Стадухин слушал кого-то по мобильнику. Мы кивнули друг другу.

Новый наш офис, как и прежний, состоял из трех отсеков со стеклянными перегородками и общего холла со стойкой администратора посередине (точнее, мы просто раздробили на части одно просторное помещение). Из-за стойки сейчас торчала светлая макушка Насти Голубевой-Левкович. В тишине раздавался стук компьютерной клавиатуры.

– Доброе утро, пчелка!

Настя приподнялась, улыбнулась, глянув поверх очков.

– Антон Васильевич, доброе! Кофе сразу или попозже?

Настя до сих пор обращался ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Я устал ее уговаривать сократить дистанцию.

– Давай сразу, дорогая.

Я прошел к себе в правое крыло. В приемной перед моим кабинетом (кстати, единственным в конторе, скрытом от посторонних глаз жалюзи) Петя Тряпицын, развалившись в кресле и подперев рукой щеку, глядел в монитор компьютера.

– Заместитель моего высочества скучает? – пошутил я, переиначив его собственное традиционное приветствие.

– Жду перезагрузки, – ответил тот. – Компьютер пора чистить. Грузится по утрам как четыреста восемьдесят шестой.

– Ты еще помнишь такие? Позвони в сервис.

– Уже.

Петя порылся в бумагах на столе, выудил из-под стопки документов стикер.

– Тебе на городской звонила классуха Тamarки. С самого сранья, я еле успел трубку взять, когда пришел.

– Она в своем репертуаре.

– Набери ее. Она просила сразу, как ты придешь.

– Еще бы.

Я присел на диван в углу приемной, набрал номер.

С Анжелой Генриховной Рихтер, преподававшей в школе биологию, у меня сразу как-то не заладилось. С нашей первой классной дамой в начальной школе мы жили душа

в душу – молодая выпускница педагогического университета была полна энергии, фонтанировала идеями, придумывала, изобретала, к каждому ученику находила особый подход. Я люблю таких. На выпускном по окончании четвертого класса родители умылись слезами и упились шампанским – так не хотелось расставаться.

Рихтер же являла собой полную противоположность. Адепт классической советской школы, она строго очертила границы допустимого. Она чем-то напоминала мне мою собственную школьную юность. Таких учителей я избегал и боялся, а если мне сейчас, уже взрослому, снилась школа, то неизменно с участием таких вот Анжел. Про них моя матушка всегда говорила: «Конечно, они не всем нравятся, но это потому, что они – требуют!»

Дурацкий критерий эффективности педагога – умение требовать. Мне кажется, умение заинтересовать предметом куда привлекательнее.

– Алло! Анжела Генриховна, это Антон Данилов, вы просили перезвонить. Доброе утро. Я не отвлекаю вас?

– Нет, Антон Васильевич, все в порядке, у меня свободная пара. Здравствуйте.

Она сделала паузу. Давно заметил за ней манеру ставить собеседника в положение просящего. Собственно, отсюда же и ее идиотская привычка звонить на номера рабочих телефонов, а не на мобильные. Это МЫ должны ее искать, а не наоборот.

Но я третий калач, меня на арапа не возьмешь. И она это знала.

– Слушаю вас, – мягко, но настойчиво произнес я.

– Гмг... Вы, наверно, уже слышали, что у нас ЧП.

«ЧП – это когда кошка попала в водосточную трубу», – подумал я. Вслух же ответил:

– Да, слышал.

– Сегодня будет собрание в семь часов. Вы придете?

– Да, Тамара передала мне информацию.

Она замялась. Тема разговора была исчерпана.

Зачем она вообще позвонила?

– Анжела Генриховна, вы обзваниваете всех родителей или меня персонально?

– Я обзваниваю тех, у кого дети... скажем так, немного забывчивы. Тамара, к сожалению, одна из них. Но вы правы, дело не только в этом. Я бы хотела... словом, хотела бы, чтобы вы обратили внимание на это происшествие как специалист.

Я хмыкнул. Теперь уже в голосе Рихтер появились какие-то просительные интонации. Впрочем, это было объяснимо. Трагическая гибель ученицы твоего класса, причем не под колесами автомобиля в свободное от учебы время и не вследствие нелепой бытовой случайности, а по многим параметрам самоубийство – это, как верно заметила Томка, полный шухер. Если начать копать, то можно найти серьезные просчеты в педагогической работе.

– У меня нет соответствующих полномочий, я частное лицо, как все остальные родители.

– Я понимаю. Но все же... мне бы хотелось, чтобы вы со своей стороны как-то...

Я вздохнул. Петя Тряпицын поглядывал на меня с любопытством.

– Я думаю, Анжела Генриховна, на это дело обратят внимание очень многие. Но я вас услышал. А сейчас прошу прощения...

– Да-да, конечно! Извините, что отняла у вас время. До встречи вечером.

Я бросил трубку на диван, молча пошлепал губами.

– Что случилось? – спросил Петя.

– У Томки одноклассница сиганула вчера с балкона.

– Насмерть?

– Шестнадцатый этаж. Сам как думаешь?

– Йо-майо...

Я поднялся, отпер дверь своего кабинета.

– Петь, посмотри, пожалуйста, кто занимается доследственной проверкой. Это, наверно, Калининский район. Строящийся дом на Университетской Набережной, имя погибшей – Эвангелина Вартанова. Запиши на всякий случай. Тащи все, что нароешь.

Прежде чем закрыться в кабинете, я окликнул ресепшн:

– Настюш, кофе!

4. Томка. Взгляд изнутри *Linkin Park – Powerless*

Эта гадкая троица когда-нибудь за все ответит. И за Гельку, и за остальных. Я даже знаю, когда это произойдет. Скоро. Бог не Тимошка, все видит.

Вот они, у стеночки стоят, вокруг поглядывают. Наглых ухмылок как не бывало. Обосрались, понятное дело. Веник, Зубила и Гмыря. Всегда удивлялась, как Гмыря с такой фамилией сам чмошником не стал. Вывернулся! Просто папа богатенький. Я его, честно говоря, в первом классе не помню. Кажется, он пришел к нам во втором или в третьем. Какие были шансы, что новичка с такой фамилией не зачморят? Минимальные. А он как-то ухитрился собрать свою компанию. Подарками подкупил. Сразу за своего приняли мажорчика.

Закон природы: как с самого начала пойдет, так и будет идти до конца. Если не показал себя, не закрепился – потом не отмоешься, хоть из кожи вон лезь. Всё в первых классах закладывается. Кто-то становится звездой, кто-то вечно в середине болтается, а кому-то с самого начала не везет так, что хоть волком вой. И ведь нет никакой разницы, как ты учишься – хорошо или плохо... Хотя нет, ботаникам хуже, их никто особенно не любит. Если ты зубрила и выскочка, то это зашквар. О чем с тобой говорить?

Но это неправильно. Так быть не должно. Мы ведь живые люди, всем нам бывает больно. Вот взять Гельку: пусть она внешне была невзрачной, незаметной, с кривоватыми ногами, дурацкой челкой на лбу, в старых джинсах и ростом с Буратино, но никто ведь не знает, что у нее было внутри!

Она на самом деле была умнее и глубже, чем нам казалось. Писала стихи, выкладывала их в сеть под другим именем. Корявые, правда, но стихи же! Еще любила «Нирвану» и боевики с Ченнингом Татумом. Но так и не смогла раскрыться, показать себя. Не пошло у нее что-то с самого начала, с первого класса. Дурацкое имя (и о чем только родители думали!), косноязычие, странная любовь к бездомным животным... Без шансов. С годами только хуже.

Ей, наверно, надо было поменять школу, начать всё с чистого листа на новом месте. Чудеса случаются, если в них верить. Я как-то сказала об этом папе, но он покачал головой: «Не факт, что сработает. Это риск, лотерея. Если сумеешь не оборачиваться назад, расправишь плечи, встряхнешься – тогда жить можно. Но если не справишься, тебя ждет еще больший стресс».

Я не знаю, получилось бы у нее. Теперь мы никогда этого не узнаем. И я никогда за нее не впрягалась. Боялась осуждения и шепотков за спиной? Или не хотела?

Так паршиво от этих сомнений. И так страшно говорить о Гельке в прошедшем времени. Вообще очень страшно, когда уходит твой сверстник, которого ты знал много лет, ко-

торый был рядом, у всех на виду и при этом оставался незаметным.

Веник, Зубила и Гмыря... Прилипли к стенке. Как я и думала – обосрались.

– Слышь, Данила! – зовет Веник.

– Чего тебе? – говорю.

– Тормозни на секунду!

– Нафиг?

– Да не ссы, блин. Просто вопрос.

– Да кто бы ссал.

Задерживаюсь возле них. Гмыря глядит в сторону, Зубила ковыряется в телефоне. Только Веник суетится.

– Слушай, у тебя же батя мент?

– Бывший. А что?

– Ну, бывший – не бывший, фиг с ним. У него же все равно знакомые остались там?

С лицом у Веника явно что-то не то. Судороги, что ли? Да и у остальных морды такие, будто директор их за углом с сигаретами поймал. Гмыря вообще в коме, и колено у него подрагивает.

– Что ты хотел? – спрашиваю.

Веник нервничает, озирается. Кто-то из проходящих пацанов здороваётся с ним, но он будто не слышит.

– Короче, он же может узнать, чего там с Вартановой? Ну, там, детали какие-то.

– Тебе зачем?

– Ну, так, чтобы знать. Интересно же, что случилось.

Я молчу. Тут вдруг Гмыря поворачивается в нашу сторону, смотрит на меня внимательно. Он тоже ждет моего ответа.

Мне бы послать их нахер. Я ведь понимаю, чего они боятся. За жопы свои боятся. Они чаще всех Гельку доставали. И не только ее.

Но я не могу их послать. И дело тут не в воспитании.

– Я вас услышала. Всё?

– Пока да.

Я прохожу в кабинет русского. Лиза уже на месте за нашей партой. Проскочила раньше меня.

– Чего они хотели? – спрашивает она.

– Догадайся.

5. Шухер

Pink Floyd – The Trial

Школа у нас неплохая. Точнее, даже хорошая. Если оценивать ее по десятибалльной шкале, то на твердую «семерку» она вполне могла рассчитывать. По крайней мере, школа точно солиднее той, что стоит аккурат под нашими окнами. Я почему-то всегда был уверен, что Томка пойдет учиться именно в ближайшую к нам, как ходила в садик через дом, а я буду провожать свою первоклашку с балкона взглядом. Но Олеся подсказала, что есть учреждение получше – там и педагогический состав серьезнее, и материальная база на порядок выше, и инфраструктура. В общем, расхвалила всюю, поэтому теперь дочь по утрам чешет два квартала по оживленной улице.

Я припарковался у школьного забора без четверти семь. Большая асфальтированная площадка перед зданием, обрамленная зеленеющим газоном, была полна ребятишек: кто-то возвращался с занятий, кто-то перебрасывался мячиком, девчонки рисовали мелом на асфальте. В апреле с наступлением тепла и увеличением светового дня никого не заставишь домой.

Я не спешил выходить из машины. Открыл окно, закурил. Заходящее солнце слепило глаза.

Зазвонил телефон.

– Паап!

Вкрадчиво и с опаской.

Я улыбнулся.

– Еще не началось, я только подъехал. Как ты там? Чего не отзвонила после занятий?

– Вот позвонила же.

Тамара терпеть не могла телефонные разговоры (еще одно проявление наступающей социопатии), и на каждый мой упрек в отсутствии должного дочернего внимания отвечала взаимным упреком. Справедливым, впрочем. Я тоже редко ей звонил, предпочитая набивать сообщения.

– Ладно, – говорю, – ты пообедала?

– Да.

– Опять, поди, наловила мяса из кастрюли, а гарнир оставила?

– Ты же знаешь, – хмыкнула дочь. Помолчала немного. – Па, как думаешь, что там у вас будет?

– Могу только догадываться. Кое у кого закипело в штанах. Будут искать крайних и перебрасывать ответственность друг на друга. Анжела ваша, кстати, звонила мне утром.

Томка напряглась.

– Чего хотела?

– Наградить тебя медалью за заслуги перед школой.

– Ну паап!

– Говорит, что ты ее не любишь и разбиваешь ей сердце.

– А кто ее любит! – хихикнула дочь.

– Ну, кто-нибудь же любит...

Я увидел, как к школьным воротам вразвалочку подходит пухлик Макс, отец Вовки Черенкова, штатного увальня и троечника нашего седьмого «А». С Максом мы сдружились еще в первом классе, когда вместе готовили для ребятшек спортивные праздники.

– Ладно, мыш, мне пора, я отключаюсь. Ты вообще дома?

– Да, читаю твои журналы с сиськами.

– Займись делом, душа моя. Все, целую!

Я вышел из машины и быстрым шагом нагнал Макса.

– Здоров!

Он встретил меня радушной улыбкой. В последний раз мы виделись, если память не изменяет, на предновогодней вечеринке в декабре. Собрались с родителями после итогового собрания и дали жару в ближайшем баре. Макс был самый пьяный, но он и в таком состоянии оставался медвежонком.

– О, Антоха, привет! Эт самое... что тут будет-то? Я на работе все бросил, феерично так примчался.

– Тебе Вовка не рассказывал разве?

– Расскажет он, как же... Ладно, эт самое, разберемся перманентно.

У Макса Черенкова был бзик: стараясь как-то замаскировать свои восемь классов и автослесарное ПТУ, он вставлял в речь сложные термины, о значении которых лишь догадывался. Если присовокупить бытовой паразит «эт самое», то слушать его порой было неважноту.

Охранник на входе, седой мужчина в форменной одежде не по размеру, даже не поинтересовался целью нашего визита, хотя обычно чуть ли не заносил каждого взрослого в журнал. Очевидно, школа уже бурлила вовсю.

Мы поднялись на третий этаж. У кабинета биологии толпились наши мамыши.

– Сейчас будет курултай, – пробубнил Макс. – Яжемать и все такое.

Женщины будто ждали именно меня. Одна из них точно.

– Антон, привет! Хорошо, что ты пришел!

Света Губайдулина, мама отличницы Кати, взяла меня за локоть – по-свойски так, по-домашнему. Хрупкая и шустрая татарочка, по паспорту Салима, была у нас самой активной и, как следствие, занимала должность главы родительского комитета. Я в свое время по неосторожности вступил в эту странную организацию, теперь вот наслаждаюсь женским вниманием по полной программе.

– Ты ведь уже в курсе? – спросила Света.

– Конечно. Плохие новости распространяются быстрее, чем хорошие.

– Это да. Я вот чего думаю...

Она, не выпуская локтя, отвела меня в сторону. Я приготовился выслушать одно из ее фееричных предложений.

– Антон, мне кажется, тебе нужно будет провести со своей стороны какую-то работу. На этих ребят, – она мотнула головой куда-то в сторону окна, – надежды мало. Отчитаются

для галочки и быстро все забудут.

– Ты не первая, кто обращается ко мне с этим.

– А кто еще?

Я пересказал ей утренний разговор с Рихтер. Света одоб- рительно закивала.

– Все правильно! Ты все сделаешь в лучшем виде.

Тут я немного психанул.

– Блин, а что я должен сделать, по-вашему? Провести вос- питательную беседу с детьми, мол, слабых обижать нехоро- шо? Мы ведь даже не знаем, что случилось.

Света украдкой глянула поверх моего плеча на осталь- ных родителей, которые как раз собирались зайти в кабинет. Произнесла полушепотом:

– А что тут знать? Гелю давно травили. Вот их же отпрыс- ки, кстати, любимые чада... засранцы...

– И что?

– Как – что?! Есть ведь статья? Ты ж юрист!

– Не юрист, а охотничья собака. – Я обернулся. Коридор опустел, народ вошел в кабинет. – Ладно, пошли. Надо разо- браться для начала.

Кворум на экстренном собрании был средний – человек пятнадцать из двадцати пяти возможных. Из мужчин пред- сказуемо присутствовали только я, Макс и Федя Меркулов, еще один завсегда́тай родительских междусобойчиков. Фе- дя уже много лет работал домохозяином. Жена у него владе-

ла тремя салонами красоты, домой забежала только на ужин и переночевать, поэтому заботы о хозяйстве и единственной дочери легли на его плечи. В свободное время Федя писал сценарии для телевизионной и радиорекламы, зарабатывая себе на сигареты и пиво. Богема, в общем.

Мы втроем традиционно пристроились на последних партах.

– Ну что, ждем оргвыводов, – шепнул Федя. – Гляди, Анжела как пыльным мешком ударенная.

Я посмотрел на классную, сидевшую за учительским столом под портретом Дарвина. Она сосредоточенно перелистывала какие-то документы. Головы не поднимала, уткнулась острым носом в стол, будто боялась пересечься с кем-то взглядом. Непокколебимой уверенности в себе, которую обычно излучала эта высокая темноволосая женщина, я не заметил. Она сегодня даже оделась иначе – свой неизменный бежевый брючный костюм (видел ли я ее хоть раз в чем-то другом? не помню) сменила на черные юбку и блузку. В таком наряде она производила совсем уж пугающее впечатление. Косы и капюшона не хватало.

Нельзя выходить к детям в образе Тетушки Смерть.

Впрочем, не только Рихтер сегодня была ударенная пыльным мешком. Весь родительский коллектив сидел тихо, даже хозяйственные мамочки не перешептывались. Идеальная обстановка для годовой контрольной по алгебре.

– Жаль, флягу с собой не взял, – буркнул Федя. – Самое

время бухнуть.

– Я сбегая, эт самое, – отозвался с соседней парты Макс. – У меня в машине есть.

Я промолчал, не желая поддерживать досужий треп. Парни они хорошие, адекватные, но иногда лучше спрятать свой здоровый цинизм поглубже, я считаю.

– Лизка моя вчера весь вечер ревела у себя в комнате, – продолжил Федя. – Даже к ужину не вышла. Твоя как?

– Примерно так же.

Федя вздохнул, сложил руки на груди и притих.

Между тем в кабинет, громко стуча каблуками, вошла незнакомая девушка в синем костюме, похожая на стюардессу. Лет тридцать, миловидная, со светлыми волосами, стянутыми в пучок. В руке она держала черную кожаную папку. Скорость и решительность, с которыми девушка проследовала к учительскому столу, говорили о том, что собрание сейчас начнется.

Так и вышло. Рихтер приветственно кивнула «стюардессе» и поднялась из-за стола. Вдвоем они вышли к доске.

– Товарищи, добрый вечер, – сказала Анжела Генриховна и тут же запнулась. – Хотя какой он добрый... Повод у нас для внезапной встречи печальный, как вы знаете...

Она еще что-то говорила, какие-то приличествующие обстоятельствам фразы, но я смотрел на девушку, стоявшую по ее левую руку. Внешне она была серьезна, но при этом излучала какое-то тепло. Располагала к себе с первого взгляда.

да. Ее сжатые в тонкую линию губы, казалось, могли в любой момент растянуться в улыбке. Решительная, уверенная в себе, готовая ответить на любой вопрос. Погладить по головке, когда требуется, или куснуть, если ты зашел слишком далеко. Таких часто видишь в кино.

Я понял, кого она мне напоминает, – доктора Кэмерон, подчиненную Хауза в одноименном сериале. Ее играла милашка Дженнифер Моррисон.

– Позвольте представить вам Викторрию Александровну. – Рихтер коснулась руки девушки, слегка выдвигая вперед. – Наш психолог. Точнее, приглашенный, поскольку у школы нет такой штатной единицы. Психологов у нас сократили – как выясняется, совершенно напрасно. Викторрия Александровна уже работала и даже училась у нас, школу знает хорошо и некоторых ребят тоже. Надеюсь, вместе мы сможем разобраться в сложившейся ситуации.

– Здравствуйте, друзья, – сказала Викторрия. Голос у нее оказался под стать внешности, с глубоким и сочным тембром. Таким голосом можно рекламировать и яблочное пюре, и металлопрокат.

«Господи, о чем я думаю!»

В крайнем левом ряду у окна взметнулась рука. Я обернулся. Это была мать Паши Венедиктова, которого дочь называет «Веник». Хулиганистый тип из небогатой многодетной семьи, хотя и не безнадежный. Куда хуже его приятель Гмыря, эталонный засранец с десятым айфоном и прической

Драко Малфоя.

Впрочем, не хочу возводить напраслину, я давно ничего о них не слышал.

– Извините, а в чем тут разбираться? – поинтересовалась Елена Венедиктова. – Что мы можем сделать? Ну, вы меня простите, все уже случилось, никто от этого не застрахован. Жаль девочку, конечно, но что мы здесь...

Анжела Генриховна, кажется, слегка опешила. Это был редкий кадр: Рихтер полезла в карман за словом и не нашла.

У Виктории Александровны, напротив, с этим проблем не возникло.

– Думаю, мы все заинтересованы в том, чтобы разобраться в случившемся.

– Наказать виновных? – произнес кто-то из сидящих в нашем среднем ряду. Я увидел только пышную рыжую прическу. Не помню такую.

– А кто-то виновен? – подхватила Венедиктова. – Обязательно надо найти виноватого, да? А кто мог знать, что так получится? Они ведь подростки, у них сейчас каждый день что-то случается, и ведь не узнаешь ничего. Кто-то обидел, плохое слово сказал, учитель плохую оценку поставил – по-ди разберись. И что теперь поделать?

– Да, хотелось бы понять, чего вы от нас-то ждете!

Женщины загудели. Общее настроение пока оставалось неясным, но очевидно, что разделять коллективную ответственность родители не спешили.

Федя нагнулся ко мне:

– Любят у нас Варгановых.

– И сочувствуют, – добавил я.

– Пипец...

Разговоры в кабинете не стихали. Рихтер бросила на меня растерянный взгляд. Кажется, она умоляла вмешаться.

Я поднялся, не спеша направился к доске. Шум тут же стих. Виктория смотрела на меня с интересом.

Я встал перед аудиторией.

– Всем привет, кого не видел.

Светка Губайдулина с первой парты одобрительно кивнула. Неугомонная «Шурочка из бухгалтерии»...

– Ребят, мы давно друг друга знаем, – начал я импровизировать (к пламенной речи я все-таки не готовился). – Не первый год вместе. Кто-то присоединился позже, кто-то раньше, с кем-то мы с первого класса детей ведем, а с кем-то вообще из детского сада сюда пришли. Поэтому я надеюсь, что меня вы внимательно слушаете.

Я обернулся к Анжеле и Виктории.

– Пожалуйста, – разрешила Рихтер.

– Спасибо. В общем... – Я почесал нос. Не так-то легко было донести основную мысль, чтобы никого не задеть. – Я не думаю, что мы можем как-то остаться в стороне от всего этого. Если в газетах перестали исследовать проблему детского суицида, это не значит, что такой проблемы не существует. Не знаю, как вы, а я всегда болезненно реагирую

на такие новости, даже если это какие-то очень далекие и чужие дети. А тут... практически на наших глазах. Девочка, которую мы знали, с которой общались наши дети. Мы ведь все занятые люди, у всех работа, кредиты, ипотеки, кризисы. Вся забота о ребятах – дневник проверить, деньги на классные нужды сдать... а они вот... прыгают...

Мамаши молчали. Я понимал, что несу какую-то банальную околесицу. Вышел тут, понимаешь, Капитан Очевидность, и уму-разуму их учу. Они и сами все прекрасно знают, сами в школе когда-то учились.

Однако ничего другого я выдать сейчас не мог.

– В общем, к чему я веду. Как минимум мы должны понять, что произошло. Несчастный случай, осознанное решение, что-то третье...

Я осекся. Аудитория вздрогнула. Они поняли, что я имел в виду.

– Упаси бог, – сказала Света Губайдулина.

– Да. Так вот, через пару лет у ребят начнутся все эти ЕГЭ и прочие радости детства. Думаю, никому из нас не хочется, чтобы что-то подобное повторилось. А еще я думаю, что нам надо помочь Вартановым. Поддержать как-то. Вот мы с вами сейчас разойдемся и обнимем вечером своих детей, а они... поедут в морг...

У меня запершило в горле. Пора было заканчивать.

– Ладно, вы поняли, что я хотел сказать.

Я отправился на свое место. Меня провожали гробовым

молчанием. Я чувствовал их взгляды затылком.

– Спасибо, все правильно. – Виктория Александровна подошла к первой парте и раскрыла свою кожаную папку. – Итак, уважаемые родители, давайте обсудим несколько моментов. Это очень важно...

...И тут, собственно, началось.

Знаете, я никогда не считал наш родительский коллектив образцовым. Возможно, в самом начале я питал иллюзии, что с годами мы подружимся, объединимся и все наши проблемы будем решать сообща. Надеяться на это позволял уже имеющийся детсадовский опыт. Но все же я оставался реалистом и не ждал идиллии, чтобы не разочаровываться. Все мы обычные, нормальные, живые люди.

Однако то, что я увидел и услышал на этом внеочередном родительском собрании, серьезно подорвало мою и без того тлеющую веру в человечество. Через полчаса после старта дискуссии я сам готов был послать Макса к машине за выпивкой.

Для начала кто-то выразил недоумение, что здесь нет никого из Варгановых. Эту умницу, к счастью, сразу одернули: с ума сошла, ты представляешь, что там у них сейчас творится?!

Потом Светка Губайдулина (я не сомневался, что она сорвется) ввернула фамилию Гмыря в очень недвусмысленном контексте. Дескать, в классе, где верховодят такие типы, ра-

но или поздно должно было что-то случиться. В кабинете на мгновение повисла зловещая тишина. Убедившись, что родители Гмыри отсутствуют (впрочем, как всегда), завелась мама его кореша Венедиктова: «На что это вы намекаете? Что мой Паша дружит с уголовником? Что он сам уголовник?!»

Тут родители детей, в разное время и в разной степени страдавших от внимания «гмыринской банды», обнаружили удобную и очень уязвимую мишень. Елене Венедиктовой пришлось несладко.

– Мы еще в третьем классе пытались с вашим Павлом разобраться! Он чуть руку моему сыну не сломал!

– А после того случая с воровством он давал обещание, что возьмется за ум. Вы сами что тогда обещали? Не отчисляйте, не выгоняйте, не сообщайте в полицию, он хороший мальчик! Забыли?

– А сколько можно за вами бегать, когда весь класс деньгами сбрасывается? Вы что, особенные? Нарожали целую роту, и что теперь? Почему мы вас должны кормить?

Бедная мама Веника. Оказавшись один на один со стихией, эта бесхитростная толстушка забыла все свои навыки общения, приобретенные за годы работы на мясном рынке. В отчаянии и немой мольбе она обратила свой взор к классной.

– Товарищи родители! – пыталась вмешаться Анжела. – Давайте не будем превращать нашу встречу в коллективное

избиение! И без перехода на личности, пожалуйста!

На время успокоились. Венедиктова насупилась, но не ушла. Очевидно, надеялась на реванш.

Психолог Виктория попыталась подготовить родителей к предстоящим беседам детей со следователями. Это довольно сложная и не всегда приятная процедура, мамочкам бы внимательно послушать, но дискуссия вновь скатилась к выяснению отношений.

Я быстро понял, чего не хватает. Мужского слова. Но нас, мужиков, тут всего трое. Причем я уже выступил и добавить мне было нечего. Федя занял выжидательную позицию, а на ораторские способности Макса я вообще никогда не возлагал надежд. Увы, остальные папаши класса в очередной раз предпочли самоустраниться.

– Мы детей совсем запустили! – выступала Светка Губайдулина, стуча ладонями по парте. – Если раньше мы хоть что-то придумывали, походы в горы, на концерты, постановки театральные устраивали, гостей интересных звали, – вот Антон выступал, знакомых своих приглашал, – то сейчас никому ни до чего нет дела. Каждый в своем тесном мирке замкнулся. Я устала вам предлагать – давайте вот это сделаем, туда ходим, на это сбросимся. Что я слышу? Ой, некогда, незачем, ой, опять на что-то сбрасываться, давайте просто им пиццу купим. А мне что, одной все это надо?

– Да от тебя только и слышишь – дайте денег! – возражала тетушка с рыжей копной, которую я, к слову, так и не вспом-

нил. – Всё дай, дай, дай! Я их печатаю, что ли?

– Да я на себя разве прошу?! Их ведь уже ничего не интересуется в этом возрасте, кроме телефонов с этими вконтактами дебильными! Мы их теряем, как вы не понимаете! И, Анжела Генриховна, вы меня простите, конечно, но при вашей нагрузке у вас никаких сил не хватит с каждым персонально решать какие-то их проблемы. А им ведь пойти некуда, пожаловаться некому. Какой смысл в таком классном руководстве? Готовить их к экзаменам, а на остальное забить?!

Рихтер хмурилась, но молчала.

– Твоей Кате в этом смысле повезло, – фыркала рыжая. – Ты же дома сидишь, не вламываешь на работе по двенадцать часов.

– О, господиии! – выла Света.

Я молча посматривал на Викторию. Она посматривала на меня. Что-то между нами промелькнуло. Так в «Пролетая над гнездом кукушки» переглядывались сестра Рэтчетт и Рэндалл МакМерфи, пока сидящие вокруг сумасшедшие на сеансе групповой терапии бесновались из-за чьих-то семейных проблем.

Мы поняли друг друга без слов.

Я снова вышел из-за стола. Поднял руку. Дамы угомонились.

– Выпустили пар, девушки? – Я обвел аудиторию тяжелым взглядом. – Теперь давайте по существу, без этих дежурных соплей. Вартанову в классе обижали?

Мамочки начали переглядываться. Венедиктова раскрыла было рот, но я знаком велел ей молчать.

– Все знают, что обижали, – продолжил я. – Следующий вопрос: что было сделано после того случая в прошлом году, когда Гелю на пустыре за школой избили ее же одноклассницы? Вы, кстати, помните, из-за чего избили? Из-за телефона. Попросили дать позвонить, а у нее оказался кнопочный «Нокиа». Лохушка!

Виктория смотрела на меня с нарастающим ужасом.

– Да-да, все так и было. Откройте интернет и полистайте – там полно таких роликов. Сукины дети еще и видео выкладывают. Кто-то провел беседу с нападавшими? Кто-то объяснил им, что так делать нельзя? Что это неправильно?

Молчание.

– Нет, не объяснили. Потому что поздно. Потому что эти вещи надо втолковывать в том возрасте, когда они учатся чистить зубы и подтирать задницу. Теперь остается сразу бить по башке, чтобы рефлекс вырабатывался.

Венедиктова демонстративно уставилась в окно. Рыжая Копна зачем-то полезла в свою сумку.

– Я знаю, что все мы замечательные родители – самые лучшие и умные, и никто нам не указ. И дети у нас прекрасные, ангелочки просто, а не дети, и если кто-то их обидит, тот дня не проживет. Ну, выпрыгнула какая-то нерусская из окна – о чем тут плакать. Кто ее знает, может, из-за несчастной любви выпрыгнула. Правильно?

Класс по-прежнему безмолвствовал. Рихтер, кряхтя, усе-
лась за учительский стол, уткнулась в бумаги. Света смотре-
ла на меня с растерянностью. Она не ожидала от меня тако-
го крена. Пожалуй, только Виктория понимала, что я делаю.
В ее глазах я прочел одобрение.

– Ладно, девушки, можете забыть эту лирику. Я для вас
не авторитет, как какой-нибудь Лабковский, но поверьте мне
как менту: у любой трагедии есть имена и фамилии. У ме-
ня все.

Я проследовал на место.

– Вот это ипостась, – произнес Макс.

Я выполз из аудитории совершенно выжатый. Хотел
смыться незаметно, чтобы избежать лишнего персонально-
го общения. Вы не хуже меня знаете, что родительское со-
брание не заканчивается со словами «всем спасибо, до сви-
дания», – въедливые мамочки еще долго атакуют классного
руководителя, решая личные вопросы.

Я почти улизнул. Лишь у самой лестницы в коридоре ме-
ня перехватила Виктория Александровна. Я как чувствовал,
что этот стук каблучков за спиной по мою душу.

– Антон Васильевич, если не ошибаюсь? Подождите се-
кунду!

– Да, конечно.

Она тоже выглядела утомленной. Общение с нашими де-
вушками – то еще удовольствие.

– Хотела вас поблагодарить, – сказала она смущенно.

– За что?

– За жесткие, но правильные слова. Я бы не смогла.

– Да, вам профессиональная этика не позволит. Хотя иногда хочется, правда? Да еще и по башке стукнуть.

Виктория улыбнулась. Несмотря на усталость, я снова мысленно отметил, насколько она хороша. И пахло от нее чумовыми духами.

– У меня к вам просьба, Антон Василь...

– Просто Антон.

– Хорошо. Мне бы хотелось как-то скоординировать наши действия. Насколько я понимаю, вы все-таки возьмете дело под свой контроль.

– Ну, это громко сказано. Но что смогу – сделаю. Кстати, а вас кто привлек, если не секрет?

– Брынский.

– Сам директор? Хм, серьезное дело.

– Более чем. – Она заговорщицки шевельнула бровями. –

Так мы договорились?

Я порылся в бумажнике, протянул ей визитную карточку. Она с интересом ее изучила.

– Жаль, у меня с собой нет.

– Ничего.

За спиной Виктории показался знакомый силуэт. Губайдулина мчалась к нам на всех парах.

– Вы позвоните позже, я запишу ваш номер. А сейчас я

убегаю. Всего доброго!

До первого этажа я долетел пулей...

Удивительно устроены люди – даже те, кто не лишен склонности к эмпатии. Как бы ни трогало тебя чужое горе, оно все же оставалось чужим.

Возвращаясь домой, я думал не о несчастной семье Вартановых, а о том, замужем ли Виктория Александровна.

6. Отец-одиночка – суперзвезда *АВИА – Я Не Люблю Тебя!*

Да-да, я знаю, что вы думаете. «Ты сам-то кто, чтобы судить других? Макаренко? Ушинский? Заслуженный отец республики, воспитавший двенадцать Нобелевских лауреатов?»»

Вовсе нет. Я такой же обалдуй, как и многие. Просто от меня сбежала легкомысленная жена, оставив одного с пятилетним ребенком. Пришлось всему учиться самому. Вероятно, отличником я не стал, но в нашем городе-миллионнике меня знают как хорошего отца.

А случилось это так.

Шесть лет назад мы с Томкой неожиданно попали в федеральный телевизор. Хотел бы я сказать, что мы прославились тогда на всю страну, но, увы, зрители популярного брачного телешоу помнят его героев не дольше, чем кошка горюет о прилетевшем в нее ботинке.

Редакторы Останкино наткнулись на наш с дочерью аккаунт в соцсетях, почитали наши истории и пришли в неопиаемый восторг. Однажды вечером позвонили.

– Не хотите поучаствовать в телешоу? Вместе с дочкой?

А я валяюсь на диване расслабленный, после душа, с кружкой ягодного чая. Томка ползает по полу, собирает пазлы.

– А хочу! – говорю.

В тот вечер я подумал: Москва, Первый канал, съемки, бесприданница с нечеловеческим лицом, жениховские ужимки. Это ж рок-н-ролл! Тем более что наши с Олесей отношения в те дни зашли в тупик и она фактически «сидела на чемоданах».

– А в качестве кого, – спрашиваю, – вы хотите меня позвать? Претендента на руку и сердце или, прости господи, объекта вожделения?

Девушка рассмеялась:

– А вот мы с вами сейчас побеседуем и решим.

– Валяйте!

И редактор принялась делать из меня отбивную.

– Почему вы с женой в разводе? Что стало причиной? Не жалеете об этом решении?

Попытки отстреляться вегетарианскими формулировками вроде «не сошлись характерами» и «всякое бывает» ни к чему не привели. Со мной общался не психотерапевт-недочка, снимающий офис в подвале, а какой-то иезуит. Я не помню, что отвечал, потому что на двадцатой минуте предварительного собеседования открыл мини-бар и уже не закрывал его до самого финала.

После устного общения пришлось еще заполнить и обширную анкету, отобрать полтора десятка фотографий из личного архива. Я убил на эту байду весь вечер. Томка, закончив с пазлами Аладдина и Жасмин, вертелась рядом,

с интересом поглядывая в монитор.

В итоге меня определили в тройку женихов, претендующих на руку невесты.

– Девушка хорошая, милая и добрая, – отрекомендовала редактор. – И еще у нее двое детей. Вы же любите детей, я правильно понимаю?

– Очень люблю.

Рок-н-ролл продолжался.

Организаторы обеспечили нам бесплатный проезд до Москвы и обратно, двухдневное проживание в гостинице в районе Останкино, а также избавили от хлопот с передвижениями. До съемок у нас был целый день. Мы с Томкой болтались по столице, жрали гамбургеры, сходили в кино, посидели в ГУМе. Я-то часто летал сюда по делам, а дочь впервые покинула родной город. Для нее это был праздник, особенно если добавить предвкушение настоящих телевизионных съемок.

К вечеру у меня появились неприятные посасывающие ощущения в желудке. Подкралась тревога. Я вдруг понял, что мне предстоит распахнуть душу перед всей страной. Я видел пару выпусков этой мозгобойни и знал, что там выворачивают героев наизнанку. То же самое будут делать со мной? Я взрослый мужик, у меня свой бизнес, друзья, почет и уважение. Что я им, клоун?

«Успокойся, – сказал я себе. – Это рок-н-ролл. Когда еще доведется принять участие в шоу для домохозяек на феде-

ральном телевидении? Будет что вспомнить».

Вроде успокоился.

Но вот день съемок. К гостинице подогнали такси. Вопреки ожиданиям (Останкинский шпиль торчал прямо за окном нашего номера, пешком можно было дойти), нас повезли куда-то на юго-восток Москвы. Ехали полчаса. По дороге у меня внутри что-то совсем разболталось. Давно я так не дрейфил. Разом куда-то подевалось мое «взрослый мужик» и «у меня богатый внутренний мир». Будто меня, школьника, вызвали к доске в тот самый день, когда на лбу вырос здоровый красный прыщ, нос забило соплями, а брюки лопнули на заднице. Если вы когда-нибудь попадали в такую ситуацию, то вы знаете, что это Апокалипсис, семь проклятий Египта.

Высадились мы у большого здания без окон, долго ходили по ангарам, в которых можно снимать фильмы-катастрофы. Наконец, поднялись на нужный этаж. В небольшой комнате томились в ожидании кандидаты в женихи, причем в большом количестве – за один день снималось сразу несколько программ. Наша стояла в очереди последней.

В компанию к нам подобрались «женихи» из Краснодара и Санкт-Петербурга. Веселые, общительные. Развлекали дочку и развлекались сами. Вместе мы литрами пили халвяный чай и жрали печенье. Больше всего парней беспокоил вопрос: кто-нибудь видел невесту? Страшная? Красивая? С пивом потянет? Увы, никто не видел, потому что прин-

цессу, обитающую в соседнем коридоре, бережно охраняли. До свадьбы – ни-ни.

Минул час. Второй. Третий пошел. Наконец, наша очередь...

Мордовали нас на площадке еще часа полтора. Я знал, что в финальную версию программы войдет сорок пять минут, а это значит, что половину наших диалогов нещадно вырежут. А вырезать было что!

Я – и такой, и сякой, и жену бросил, и ребенка у бедной женщины отнял. Куда тебе еще одна бедная девочка из Пятигорска с двумя детьми? Ты и ее бросишь, отнимешь детей, выставишь ее одну за порог голую и голодную. И вообще я тайно посещаю синагогу.

Большую часть заготовленных тезисов я напрочь забыл. Где мое ментовское прошлое, мое филологическое красноречие, мои навыки ведения ближнего боя и способность держать удар? Ничего этого нет. Три изувера (впрочем, одна из ведущих явно на моей стороне) знают обо мне все и упреждают любую мою фразу. Я словно прохожу собеседование при поступлении в секретную службу «Кингсмен».

Самое смешное при этом – я не собирался жениться, даже если бы по другую сторону стола сидела не эта очумевшая мама двоих детей, а Клаудиа Шиффер на пике своей карьеры. И все это знали!

Томка созерцала этот цирк с плохо скрываемым любопытством. Она не особенно прислушивалась к беседе (или удач-

но делала вид), глядела, как над нашими головами кружит операторский кран с камерой, оборачивалась на зрителей, которые хлопали и улюлюкали только по команде режиссера, ковырялась в тарелке с бутафорскими фруктами. Пытливый юный ум не прерывал работу ни на минуту.

Выползая с площадки в нашу комнату ожидания, я чувствовал такое облегчение, какого не припомню с окончанием школы, когда у меня на руках был пахнущий свежей гознаковской бумагой аттестат. «Отстрелялись, – пульсировала в голове мысль. – Сейчас дергать отсюда в гостиницу, а там – в ресторан на праздничный ужин».

Из троих потенциальных женихов невеста выбрала парня из Питера, который подарил ей коробку мягких игрушек. Вот тут моя дочь несколько оскорбилась. Ее соревновательный азарт был остужен. Она ехала в Москву за победой.

– Мы что, проиграли?

– Нет, – говорю. – Я по-прежнему замечательный папа, а ты – мое счастье. Поехали безобразия нарушать.

Дождаясь своей машины, мы с любопытством наблюдали, как девушка из Пятигорска с подаренной ей гигантской коробкой и охапкой цветов пытается загрузиться в такси...

Следующие три недели я с нарастающим ужасом ждал эфира. Мои подчиненные в офисе, включая Настю Голубеву, не отказывали себе в удовольствии подколоть: «Как наши новобрачные? Дети подружились? Четвертого планируете?» Они думали, что мне весело. А мне ни фига не весело. Что-

бы я еще раз сунулся в этот ваш гребаный шоу-бизнес!

Волновался я зря. Эфир, который я смотрел под коньяк, получился вполне приличным. Режиссер действительно вырезал весь шлак, и на экране я предстал солидным дядькой среднего возраста, который всего лишь хочет устроить свою личную жизнь.

– Мы красавчики, – сказала Томка.

И тут на нас обрушилась региональная слава.

Меня узнавали на улице и в ближайших продуктовых магазинах. Со мной вдруг стали здороваться арендаторы соседних офисов в нашем небоскребе в Сити. Томка в школе (она училась тогда во втором классе) раздавала автографы старшеклассникам и с удовольствием позировала для селфи. Количество подписчиков на нашей авторской странице в Сети увеличивалось в геометрической прогрессии. Выросли и продажи нашей книги – сборника миниатюр, который я выложил в электронных магазинах.

Как общий результат – мы появились на развороте крупнейшей местной газеты с большим интервью. Поговорили с журналистом о детях, о роли отца в воспитании ребенка, о школе, о сложности жизни и вообще о нашем безумном, безумном, безумном мире.

Я был откровенен.

– Наступает время, когда ты понимаешь, что она нужна тебе больше, чем ты ей. Это происходит постепенно, почти незаметно. Однажды ты возвращаешься домой, уставший,

разбитый и потерянный, и вдруг теплеешь от одной только мысли, что если она ждет тебя дома, «значит, все не так уж плохо на сегодняшний день»...

– Еще вчера ты ее спрашивал: поела? умылась? ничего не болит? как дела в школе? Сегодня те же вопросы задаст тебе она: поел? выспался? как на работе? ты выпил, пап? Принесет тебе утром кофе в кабинет. Накроет одеялом вечером, убрав разложенную газету. Пока ты спишь, сядет в угол с телефоном и будет горевать из-за идиотов-мальчиков...

– Научиться плавать в этом океане бытовых мелочей несложно. Скажем, подобрать ей одежду, белье, какие-то другие необходимые девчачьи штуки – с этим поможет бабушка. Готовить я сам умею, с детства этим занимался. Постирать, погладить, прибраться в доме – нет проблем, я служил в армии и привык о себе заботиться. Остальное постигается ежедневной практикой. Все это суета сует, не бог весть какая наука. Главное – быть с дочерью на одной волне, жить в одном ритме, следовать одной парадигме. В этом смысле мне с Тamarой повезло, она мне очень помогает хотя бы тем, что не создает особых проблем...

– Самое тяжелое – это переживать за нее. За ее неудачи, промахи, ошибки, из-за которых она страдает. В такие минуты хочется выпрыгнуть из засады, всех построить, всех раскидать, все решить, высушить ее слезы, прижать к груди. Но ты заставляешь себя сидеть в кустах и наблюдать, позволяя ей набивать шишки и обретать опыт. Хотя все рав-

но очень переживаешь, когда переживает она. Больше всего волнуешься о том, чтобы ей не было от чего-то страшно, чтобы она не боялась. Ее страх передается тебе на экстрасенсорном уровне...

– Я не знаю, что из нее получится, какой она вырастет, какой станет женщиной. Говорят, что для мальчиков губительно женское воспитание. По этой логике, исключительно мужское участие – вред для девочек. Но я не уверен. Меня, например, воспитывала мама, и вроде ничего, вырос крепким и, смею надеяться, психически здоровым. В идеале, конечно, у каждого ребенка должны быть мама и папа, но жизнь нас не спрашивает, чего мы хотим...

...Вечером после родительского собрания я не стал загонять машину в гараж, бросил ее у подъезда, заняв только что освободившееся место. Обычно после девяти у нас не припаркуешься.

Томка сидела на скамейке возле спортивной площадки, смотрела, как взрослые парни перебрасываются баскетбольным мячом.

– Привет, пап! Ну, чего там? Все плохо?

Я присел рядом, вытянул ноги.

– Веселого мало. В школу могут прийти следователи расспрашивать одноклассников и учителей.

– И меня?

– В мое отсутствие тебя персонально никто допрашивать

не будет. С Анжелой мы все обсудили. Может быть, следовательно просто поговорит со всем классом.

– Хорошо.

Я обнял ее за плечо, притянул к себе.

– Как у тебя дела, малыш? Все нормально?

– Вполне.

– Точно?

– Ты же знаешь, я бы сказала.

– Знаю. Но все течет, все меняется.

– Это да.

Она снова уставилась на баскетболистов. Один из них сделал отличный трехочковый бросок.

7. Лестница в небо

Metallica – Nothing Else Matters

Утром мы завтракали вместе. Редкий случай совпадения: я не торопился сегодня в офис, а у Тамары первый урок начинался в девять. Я бы мог усомниться в правдивости ее слов и даже попытаться проверить, но с недавних пор я перестал устраивать скандалы из-за ее посещаемости. Забить на домашку, иногда прогулять урок – святое дело для подростка. Анжеле Генриховне я всякий раз обещал разобраться и провести воспитательную беседу, но Томку просил лишь не доводить ситуацию до кипения. Создавать проблемы на ровном месте – дурная привычка.

С настроением у дочери сегодня было получше. Наверно, выспалась. Даже телефон не взяла с собой на завтрак. У меня появилась возможность перекинуться с ней парой слов.

– Насчет вашей Гели...

Томка, помешивая кофе у плиты, обернулась.

– Да, пап?

– Несладко ей пришлось в последнее время?

Она задумалась.

– Наверно, как всегда.

– А как было всегда?

Тамара уселась за стол, посмотрела без всяких эмоций на мою традиционную яичницу с помидорами и колбасой.

Ее собственный завтрак, не считая кофе, состоял из вчерашнего бублика и половинки огурца.

– Мне всегда было ее жалко. И сейчас... Она как из космоса к нам прилетела. Нелюдимая такая, тихая, себе на уме. До нее никому никакого дела не было, пока эта гмыринская банда не стала ее донимать.

– А как они ее донимали?

Томка все-таки выловила из моей тарелки кусок колбасы, но как-то без огонька, автоматически.

– Ответит она что-нибудь невпопад у доски, а это потом целую неделю за ней тащится, что-нибудь типа «Гелендваген, привет Белкину».

– В смысле?

– Она однажды на литературе отмочила, что повести Белкина написал Белкин, потому они так и называются. Настроение у нее плохое было.

– Серьезно? – Я едва удержался от улыбки. Приколоться у доски в духе классических ляпов из школьных сочинений – это надо рискнуть.

– А что смешного? – возразила Томка. – Все логично же.

– Ну да. – Я приступил к чаю. – А как она вообще училась?

– Средненько. Что-то лучше, что-то хуже. Английский у нее неплохо идет... Шел неплохо... Алгебра, физика, история – по-разному, неровно, а вот русский и литература – хорошо. Правда, у доски всегда стеснялась отвечать, ступор какой-то находил, заикаться начинала, часто моргать, даже

когда знала ответ... Писала она нормально, а вот говорила плохо. Вроде мысль есть, а собрать не может.

Томка сникла. Может, зря я сейчас начал этот разговор? Может, стоило отложить на вечер? Переживания еще свежие, эмоции не улеглись.

– А ты неплохо о ней осведомлена. Откуда знаешь, как она писала?

Тамара совсем стушеввалась, спряталась за огурцом. Не надо было мне задавать этот вопрос, особенно таким тоном.

– В сети читала.

Зазвонил мой телефон, и дочь тут же выскочила из-за стола.

– Алло!

– Антон Васильев... эээ, Антон, это Виктория, доброе утро. Удобно говорить?

– Да, слушаю.

Я уже подзабыл о нашем психологе. Я ждал ее звонка вчера, но она не позвонила, и мое непрошеное либидо слегка успокоилось.

– У нас появился повод для встречи. Это касается вопроса, который мы обсудили вчера в коридоре.

– Очень интересно.

– Когда и где вам будет удобно?

Я посмотрел на часы. Краем глаза заметил, как Тамара на диване в гостиной собирает школьный рюкзак. Спешит

СМЫТЬСЯ.

– Часиков в двенадцать я буду в офисе. Адрес есть на визитке.

– Хорошо, годится.

– Тогда я ставлю нашу встречу в расписание. А что за повод, если в общих чертах?

Она замялась, совсем как Тамара минуту назад.

– Боюсь, по телефону будет сложно объяснить. Но это очень важно, поверьте.

– Охотно верю. Тогда до встречи в двенадцать.

У меня как-то потеплело в груди.

– Пап, я умчалась!

Я едва успел дойти до прихожей. Томка, стоя одной ногой на пороге, догрызала огурец. Все такая же растрепанная, в желтой толстовке с капюшоном на голове. Рок-н-ролльщица...

– Дочь, ты бы хоть постирала ее, что ли. Она уже не желтая, а какая-то говнистая.

– Завтра постираю. Чао!

Она послала мне воздушный поцелуй и исчезла за дверью.

Я позвонил в офис и попросил Петю забить окно на двенадцать. Он флегматично поинтересовался, заказывать ли у Насти кофе с печеньем и на сколько персон. Я велел приготовить на всякий случай целый кофейник и коробку «Чоко-пай». Мне хотелось встретить Викторрию как можно более радушно.

Я не люблю наши новые спальные районы. Никогда не купил бы квартиру в таком муравейнике, будь я даже за пределами беден, а ипотечный кредит так же за пределами привлекателен. Я разделяю мнение популярного блогера с прической Бонифация: через сорок лет эти районы превратятся в депрессивные гетто, с которыми мы хлебнем по полной.

Не хотелось бы углубляться в историю вопроса и анализировать причины. Все знают, что этот архитектурный звездочка стал результатом популизма и алчности. Призыв партии и правительства в короткий срок обеспечить рынок дешевыми квадратными метрами был услышан и исполнен с таким рвением, что окраины наших городов стали похожи на унылые бетонные лабиринты, в которых нет зелени, мало газонов, всюду автопарковки, летом невозможно спрятаться от солнца, а детям негде поиграть в казаков-разбойников. Фасады кое-где окрашены в «веселые» цвета, призванные скрыть отсутствие у архитекторов фантазии, но это все равно не конструктор «Лего». Так уж исторически сложилось: почти всё, что мы делаем, в итоге напоминает автомат Калашникова.

Мне можно возразить, что я сам живу в районе, который тридцать лет назад казался таким же убожеством. Отчасти возражения будут справедливы. Однако наши дома возводились еще при Царе Горохе, когда хитом кинопроката был «Крокодил Данди», а «девятка» цвета мокрого асфальта счи-

талась космическим кораблем. Уж за тридцать-то лет они могли шагнуть вперед!

Ан нет. Планы народа по-прежнему совпадают с планами партии, и не выйдет уже киношный Иоанн Васильевич на балкон, не окинет государевым взором округу и не произнесет в эстетическом экстазе: «Лепота!»

Дом, который несчастная Эвангелина Вартанова выбрала в качестве трамплина для своего последнего прыжка, возводился в микрорайоне по Университетской Набережной в нескольких кварталах от нашей школы. Это была ничем не примечательная стандартная шестнадцатизэтажная штамповка на два подъезда, одной стороной обращенная к заросшему берегу городской реки в самом узком ее течении, а другой к такому же дому, только пониже, уже заселенному и обжитому. Я долго искал место для парковки. Апрельская грязь, взрытая колесами грузовиков, не торопилась высыхать, а на редких островках асфальта кучковались тачки местных жителей. В конце концов, я бросил машину на углу возле строительного забора, заехав передней парой на деревянный настил.

Рабочего оживления на объекте я не обнаружил.

– Си-Эс-Ай, место преступления...

Я миновал распахнутые ворота и прошагал к левому подъезду. Под ногами зачавкало. С каждым новым шагом туфли становились тяжелее. Я понял, что свалил дурака, не захватив бахилы.

Двери подъезда были открыты. У недоделанного крыльца висели штабеля цементных мешков и кирпича. Изнутри донесся звук работающей болгарки. «Кто-то все же копошится», – подумал я и огляделся.

Судя по протоколу с места происшествия, который мне раздобыл Петя Тряпицын, тело девушки нашли слева от крыльца. Она упала прямо в грунт, ничего больше не задев. Явных следов падения не осталось – тут уже поработали лопатами и граблями, а ограничительные ленты убрали еще вчера, когда следственные действия были закончены. Но определить место было несложно. Прямо под стеной лежали две гвоздики.

Бедная девочка. Глупышка, зачем же так...

Я поднял голову, посмотрел на самый верх. Для прыжка могло использоваться одно из двух помещений, находящихся рядом с шахтой лифта. Это крайняя левая квартира на площадке, других там просто нет. Ни балкон, ни соседнее окно не застеклены. Надо подняться и посмотреть на месте.

Но мне не хотелось этого делать. Пожалуй, впервые в моей криминальной практике мне хотелось уйти подальше от места происшествия, ничего не осматривать и не трогать. Я по этой причине даже не стал выпрашивать у следаков фотографии. Трагедия подошла довольно близко к моей семье, к самому дорогому человечку в моей жизни. Уж сколько я напереживался в свое время за Томку – и когда ее похищал один недалекий охотник за раритетами, и когда из ме-

ня пытались делать отбивную на ее глазах, и когда мы вместе удирали от погони, визжа на крутых поворотах. Всякий раз я обещал себе, что отодвину дочь подальше от своих дел, а сам буду стараться, чтобы не зацепила меня пуля бандитская и перо воровское не вошло под ребро. И все вроде устроилось, я больше не искал приключений на свою задницу, моя верещалка выросла как все нормальные дети.

Но вот – получите и распишитесь. Ее одноклассница сидит вниз. Смерть, оказывается, можно потрогать руками...

– Что вы хотели, уважаемый?

Из-за угла неторопливо, чавкая безразмерными сапогами, вышел мужичок лет шестидесяти в грязно-желтой спецовке. Вряд ли это был строитель – те, как правило, обладают крепкой и подвижной комплекцией, а этот смахивал на пенсионера-грибника. Скорее всего, сторож местный. Возможно, тот самый.

Я двинулся к нему, на ходу раскрывая удостоверение частного детектива.

– Здравствуйте! Скажите, вы работали на объекте позавчера вечером?

Он даже не стал смотреть ксиву. Услышав вопрос, остановился в нескольких шагах от меня. Буркнул раздраженно:

– Я уже все рассказал. Я не виноват.

Я кивнул, спрятал удостоверение.

– Никто вас не обвиняет. Пока, во всяком случае. Вы сторож, я правильно понял?

– Ну.

Он достал сигарету, долго пытался прикурить от спичек, которые гасли на ветру. Я услужливо подставил ему под нос зажигалку. От мужика несло перегаром. «Как тут не нажраться», – вспомнил я свою позавчерашнюю фразу.

Сторож выпустил струю дыма, мрачно глянул на открытый подъезд.

– Купят теперь здесь квартиру, как же, ага...

– Купят, никуда не денутся, – возразил я. – И не такое покупали.

Сторож смерил меня внимательным взглядом. Он оценивал: при исполнении или зевака? Послать или выслушать, а потом все равно послать?

– Я хочу подняться и посмотреть. Надеюсь, вы не против?

Он на мгновение замер с сигаретой у раскрытого рта. Очевидно, похмелье мешало ему адекватно соображать (по себе знаю: в таком состоянии ты махнешь рукой на инопланетную тарелку, приземлившуюся в твоём собственном дворе, и позволишь забрать себя на опыты), но после трагедии на вверенном ему объекте он обязан был стать подозрительным.

– А можно еще раз посмотреть на вашу корочку?

Я развернул удостоверение.

– Я хот не очень понимаю...

– Я частник. И я здесь по просьбе... по просьбе родителей.

– Чьих?

– Погибшей девочки.

Сторож облизнул губы. Он увидел во мне инопланетянина.

– Нельзя, – резюмировал мужик, бросив в лужу окурок. – Объект повышенной опасности, все такое. Вы сейчас там погуляете, а у меня потом проблемы...

Я начал злиться.

– Слушайте, уважаемый, вы бы свою принципиальность проявили два дня назад. Среди бела дня проморгали прыгуна. Объект повышенной опасности... Вы даже сейчас ворота не прикрыли! Страна раздолбаев, бл... Лучше рассказывайте, где вы тогда шарахались?

Он покраснел, начал озираться. Я злился еще больше. Ткнуть бы его носом в те гвоздики под стеной.

Я сделал шаг вперед. Мужик попятился.

– Давай-давай, гегемон, колись! Бухал у себя в сторожке? Кстати, почему она у вас с другой стороны, если подъезды здесь?

– У нас двое ворот. С той стороны еще один дом будут ставить, сваи заколачивают, стройматериалы завозят. Поэтому и будку туда перенесли, когда здесь все почти закончили. Не могу же я разорваться!

– А почему до сих пор все нараспашку? Ты не знаешь, что дети по стройкам любят лазать?

– Да чего ты от меня-то хочешь?! Не видел я их! Не мог видеть, у меня нет глаз на жопе!!!

Я остановился. Сторож сделал еще пару шагов назад для верности.

– Кого – их? – спросил я спокойно, будто не было никакой вспышки гнева.

– Этих... детей твоих...

– Девушка пришла не одна?

Сторож сплюнул на землю, опять машинально полез за сигаретами. На этот раз я не стал ему помогать с зажигалкой, и он потратил кучу времени на прикуривание.

– Чтоб вам, бля...

В подъезде снова запела болгарка.

– Слушай, мужик, – сказал сторож, поглядывая на меня исподлобья. – Ты точно не из этих?

– Будь спокоен. Мне просто нужна информация.

Для пущей доверительности я достал бумажник, аккуратно вытянул за краешек тысячную купюру. Дед пыхнул сигаретой, посмотрел наверх – на окна квартиры, из которой выпала Вартанова.

– Я не знаю, кого я видел. Но кого-то видел.

– Сколько их было?

– Не знаю. Они мелькали в окнах там, с другой стороны. Две головы в один момент я заметил точно.

– На каком этаже?

– Сначала где-то на пятом-шестом в подъезде, а потом в крайних квартирах на последнем.

– Ты ментам сообщил?

Сторож промолчал. Он все смотрел вверх. Очевидно, не решался пересечься со мной взглядом. А может, все еще сомневался, что мне можно доверять.

– Сообщил или нет?

Он шмыгнул носом.

– Нет.

– Почему?

– Не люблю я... судимость у меня была... погашена уже.

– И только?

Он опустил голову, глянул на мой бумажник.

– Хер с тобой, если подлечишь... Короче, там еще парочка моих была. Приятели мои... Нет, ну как приятели... так, на рынке у меня возле дома торгуют. Тут в первом подъезде на прошлой неделе проводку начинали монтировать – розетки там, кабель-каналы, туда-сюда по мелочи. Сгрузили на этажах коробки, бросили все нафиг и ушли. Они вообще нихера не делают уже целый месяц, хотя отделку давно пора заканчивать. Навезут стройматериалов, поколупаются втроем полдня, а мы потом стереги это все... Ну, я парней и пустил. Из работяг позавчера тут никого больше не было, шухера никакого. Из каждой коробки по три-четыре штуки возьмут – с этих не убудет.

Он посмотрел на меня с выражением «мол, ты ж понимаешь, дело-то житейское». Я кивнул. Конечно, как можно не украсть, если можно украсть. Остается лишь удивляться, что застройщик начал отделочные работы, не перекрыв

подъезды. «Это заговор».

– Я на парней сначала подумал, что это они там шарахаются. Но теперь сомневаюсь.

– Когда ушли твои парни? До или после прыжка?

– Наверно, до. Заглянули ко мне в будку, мол, все путем, на пол-банки дали и пошли себе. А минут через двадцать сюда менты с визгом заехали... ну, я и узнал, что она тут вот...

– А почему ты сомневаешься, что это не твои приятели маячили в окнах?

Сторож усмехнулся.

– А им оно надо было? Пришли розетки и кабели тырить – и в окнах рожи светить? Но это я только потом уже понял. Так что...

Он развел руками.

– Меня один хрен погонят отсюда, когда замену найдут. Да я и сам уйду. Сдалась мне тыщу раз херотень эта на пенсии...

Он начал что-то вещать о жизни своей, но я его уже не слушал – у меня заработала профессиональная соображалка. В такие моменты я иногда не реагирую на внешние раздражители. Даже Томка может достучаться до меня лишь со второго раза, если я проваливаюсь в кроличью нору своих умозаключений.

Итак, Эвангелина могла быть не одна, а с компанией. Также возможно и то, что заливший глаза сторож ошибся. Черт его знает, что он там увидел через мутное стекло своей

будки. Его приятели со строительного рынка могли быть такими же бухими идиотами, потерявшими осторожность. Если никого из строителей на объекте в тот день не было, то...

Получается, нужно найти этих романтиков с большой дороги, промышлявших розетками.

– ...слышь, нет? – Сторож тронул меня за локоть.

– Чего?

– Я говорю, самое смешное, если ты все-таки окажешься из этих, которые позавчера, а я тут распелся. Можешь меня сдать, если хочешь, мне уже пох...

«Кабы не похмелье, ты бы не был так болтлив», – подумал я.

– Не волнуйся. – Я, не оборачиваясь, протянул ему купюру. – Но воровать все равно нехорошо. Я поднимусь?

– Иди, коль надо. Только ты это... недолго. Тут и так два дня кипиш стоял, хватит с меня...

Я оставил его на площадке, где он, подобно лакею в трактире, получившему рубль на чай, мялся у распахнутых ворот, а сам прошел к подъезду. Я старался не утряпать туфли окончательно, но, похоже, бесполезно. Русская стройка плюс русская же весна – убойная смесь.

Рабочие с болгаркой возились на площадке у пустой шахты лифта. Они без особого любопытства глянули в мою сторону и продолжили что-то резать. Я поднялся на второй этаж, убедился, что сторож был прав и работа по отделке даже не начиналась – у квартир не было дверей и стяжек на по-

лу, – и пошел выше. Пятнадцать этажей впереди, мама дорогая. Сейчас, старик, ты в миллионный раз помянешь свою лень, из-за которой забросил бассейн и тренажерный зал.

«Я узнал, что у меня есть огромная семья»...

Всякий раз, поднимаясь по лестнице, вспоминаю это дурацкое бормотание Данилы Багрова.

В подъезде цементная пыль, запах болота, обломки арматуры. У стен стоят затянутые в полиэтилен межкомнатные двери. Кое-где на стенах встречаются надписи странного содержания, какие-то буквенные и цифровые значения – «F 22.8». Это еще один повод дать пинка охране. Проходной двор, а не стройка – тырят стройматериалы, гадят, прыгают из окон. Даже сейчас, после всего случившегося, старый пердун не почесался замкнуть периметр. Почему застройщики все это допускают? Потому что им все равно. Дольщиков на деньги развели, коробку поставили, потом грянули эти кризисы-шмизисы, нехватка финансирования, курс Доу Джонса, наводнение в Северной Африке. Будут тянуть волюнку до зимы, вкручивая по одной розетке в неделю.

«...И тропинка, и лесок, в поле каждый колосок»...

В детстве я сам любил таскаться по стройплощадкам. Трудно найти более притягательное для ребенка место – замок, вражеский форт, катакомбы с мутантами. Едва ли кто-то из нас, сопляков, отдавал себе отчет, что это опасно для здоровья и жизни. Это родители пусть трясутся – такая их

доля, – а с нами все будет зашибись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.